

АЛЕКСАНДР ЗАРУБИН

**КУЛЬТУРНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ 2**

- БОЖЬЯ ВОЛЯ -

Александр Зарубин

**Культурные особенности
– Ц. Божья воля**

«Издательские решения»

Зарубин А.

Культурные особенности – II. Божья воля / А. Зарубин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961197-0

Продолжение битвы за райский мир. Когда Эрвин Штакельберг сходил на берег этой планеты — ненадолго, в отпуск после длинного и изматывающего перелета, с него взяли подписку с обязательством «хранить мир и уважать культурные особенности туземного населения». Культурные особенности уважать надо. Волонтер убедился в этом еще в первую ночь, когда неосторожный сон на траве обернулся тремя женами в паспорте. Но с остальным... Война давно здесь идет в полный рост, и горе тем, кто не хочет этого видеть.

ISBN 978-5-44-961197-0

© Зарубин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Эмми. Белый мамонт	6
Глава 2 Эмми. Тёмные коридоры	13
Глава 3 Эрвин. Семейство	21
Глава 4 Пабло. Состав семьи	27
Глава 5 Эрвин. Золотые зубы	33
Глава 6 Эрвин. Расколота скала	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Культурные особенности – II Божья воля

Александр Зарубин

© Александр Зарубин, 2019

ISBN 978-5-4496-1197-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-7329-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Эмми. Белый мамонт

Эмми Харт и не подозревала, что полярная тундра может быть такой теплой. В прошлый раз мороз пробрал ее до костей. Всю – от корней волос до сжавшегося в испуге сердца. В ее прошлый визит сюда – если можно назвать визитом тот краткий час, когда ее перекинули с борта орбитального челнока на старый плавучий транспорт. За шкуру, быстро, как мешок или котенка в прорубь – тогда. Каких-то три недели назад, хотя Эмми они уже казались вечностью. Тогда был холод и снег в лицо. Приполярная тундра встретила ссыльную каторжницу Эмму Харт вымораживающим душу холодом, вонью немых тел и затхлым духом пересыльного барака. Сейчас вокруг нее все та же тундра, но теперь воздух чист, от боков ездового зверя идет тепло, ворс шубы щекочет нос и тают в воздухе, едва не долетая до лица, мелкие злые снежинки. И запах так же кружит голову – но уже другой, острый дух мокрой шерсти, пота и прогорклого сала. Сверкнула вспышка вдали. Впереди, в серой хмари, у горизонта. Там, где небо сливалось с такой же серой, укрытой туманом землей. Сверкнула, хлестнула рокотом по ушам и канула в небо, подсветив облака рыжей иглой ракетного выхлопа. Там, впереди – Космопорт. Качнулась земля. Ездовой зверь под Эмми взмахнул ушами, взревел, приветствуя взлетающий транспорт. Задрал в небо голову, тяжелую, с двумя бивнями и толстым, лохматым хоботом. Сердито топнул ногой – так, что корзину с Эмми на высоком боку нехило качнуло. Погонщица на загривке – маленькая, закутанная до глаз в меха туземка – хлопнула гиганта рукой, прокричала команду – тихо, гортанно и ласково. Зверь будто понял человечески слова, унялся, тряхнув напоследок лохматой седой башкой. Новая вспышка над головой, опять рыжее сияние в небе над облаками, опять резкий гул – другой транспорт шел на посадку.

За какой-то месяц Эмми сделала по «Счастью» полный круг, возвращаясь обратно, в космопорт. В этот раз – уже не под конвоем, как зечка, а свободной, верхом на мамонте, с оружием в руках. Жизнь. Причуда судьбы. Точнее, ее воплощения здесь: господина Жана-Клода Дювалье, доктора медицины. «Иди, – сказал он ей, провожая их с Абимом на рейд. Позавчера, в его директорском кабинете, на командном этаже его летучего дома, – иди в космопорт, проберись в туннели, найди двадцать седьмой ангар и убей всех, кто там есть. Они украли мою собственность». Тихий стук кости о дерево – световое перо зависло в его руках, стукнув о резную столешницу. Белая бумага, белая кость, на листе, черным росчерком – недописанная строка, короткая, оборванная – резко, как линия жизни. На соседней стене – портрет Дювалье-старшего. Старик смотрел тяжело, будто мерил Эмми тяжелым, немигающим взглядом.

«Надо наказать», – добавил вслед Дювалье, улыбнувшись ей усталой, тихой улыбкой. Привычно закружилась голова.

Эмми лишь кивнула в ответ. Молча. Отдала честь, повернулась и ушла готовиться. Звон каблучков – россыпью, эхом от стальных стен, окон дымного стекла и яркого полированного керамита. Золотой, мягкий блеск ламп – роскошь вокруг, безумная, режущая глаз бывшей зечки. Мысли в голове – плыли, качались, отдаваясь золотым звоном в ушах: «Собственность, так собственность, украли, так украли. Очень плохо для них.» За каких-то пару дней ее жизнь настолько переменилась, что думать о ком-то кроме себя сейчас казалось непростительной глупостью. Глухой рев вдалеке. Эмми открыла глаза, встряхнулась, возвращаясь в «теперь». Вдали, на туманной линии горизонта – россыпь алых и рыжих ярких огней. Ездовой зверь мерно трусил вперед, корзина с Эмми на его боку мягко покачивалась – в тон шагам, убаюкивающе, плавно. Длинная шерсть свисала клоками со звериной спины, трепетала на ветру, взвиваясь, кутая пассажиров мягким, уютным пледом. Огни приближались, обретая форму у людей на глазах. Тонкий, мерцающий холодным неоновым светом карандаш диспетчерской вышки, переливающийся неярким солнцем диск – тарелка радара, теплый свет ламп на дверях

пакгаузов и предупреждающий, лунный – на крышах плоских взлетных платформ. Двойным рядом, по кругу – россыпь зловещих багровых огней. Защитный периметр.

– Черт, как мы пройдем? – вздрогнув на миг, подумала Эмми. Огни на горизонте качнулись, Мамонт ускорил шаг. Эмми подумала еще раз и пожалала плечами. Ряд багровых ламп впереди – это бетонная стена, два ряда колючей проволоки, вышки, но еще – это все не ее дело, пока. Ее работа начнется внутри. За периметр отвечал черный Абим и он, на глаз, был уверен в успехе.

Флаер с Эмми, Абимом – суровым черным гигантом, помощником и личным секретарем Дювалье и еще десятком штурмовиков из личной охраны босса прилетел в тундру вчера вечером. Прилетел, приземлился, откинул рампу. В лицо Эмми ударил тусклый свет – серый, неяркий, непривычный после ослепительных тропиков. И колючий мороз – после джунглей, солнца и тропической влажной жары он показался Эмми пронзительным, острым до рези в горле. Абим хлопнул ее по плечу. Неожиданно улыбнулся – белый снег хлестнул по его черным щекам и сполз вниз протеканиями влаги. Шагнул, пригнув голову, вниз. Эмми спустилась за ним, шурясь на свет и дивясь беспредельности мира.

Не так уж и холодно – влажно хлопнул снег под ногой. Равнина вокруг – туманная, плоская, на глазах загибающаяся вверх – не поймешь, где здесь земля, а где небо. Седые, лохматые туши – Эмми сперва подумала, что это холмы, но потом один такой холм заворчал, тряхнул ушами, подняв вверх хобот. Повел тяжелой башкой, уставившись на гостей маленькими черными глазами. Высоко над головой – кривые клыки. Нет, даже не клыки, длинные, загибающиеся в стороны бивни.

Абим впереди, дурачась, поднял руку, с отогнутым большим пальцем вверх, крикнул зверю:

– До космопорта. Два счетчика, шеф...

Мамонт вытянул хобот, фыркнул ему в лицо, обдав нос Эмми теплым, тяжелым ветром. Их окликнули:

– этгык тунгутури..

Дикие, звенящие галькой на перекате звуки, прожженные морозом голоса. Чужие слова закружились в ушах – гортанны, звучны и непонятны до дрожи в коленях. Туземцы подошли – такие же серые в шубах, мохнатые, похожие на своих исполинских зверей. меховые шапки, лица укрыты до глаз – белая изморозь взлетала с их голосами вверх и оседала влагой на капюшонах. Лишь винтовки на ремнях за спиной – туземные, знакомой Эмми по джунглям «Счастья» системы. Абим обернулся и заговорил – быстро, помогая себе руками. То ли черный гигант волновался, то ли согреться хотел – ветер посвежел, хлестнул по лицу, полярная куртка на плечах вмиг показалась Эмми очень и очень тонкой. Один из туземцев поднял ладони ко рту, крикнул – одним горлом, протяжно, залиvisto. Дрогнула земля. Гигантский зверь вдалеке сделал шаг, загоразивая прищельцев. Эмми поежилась. Ветер утих. Двое штурмовиков на глазах Эмми пробежали, положили к ногам туземцев дары: патронные ящики, тюк парашютного шелка. Люди заговорили опять – быстро, размахивая руками. Переводчик в ушах Эмми захлебывался, выхватывая из кучи звуков отдельные слова. Космопорт, Дювалье, босс... Бизнес... Эмми оборачивалась, глазела вокруг – дивясь и не понимая. Туземцы тоже дивились, украдкой показывая пальцами на Эмми, Абима и его черные, отливающие углем в полутьме щеки. Мамонты вокруг – переминались, махали хоботами, шумно втягивая воздух – нюхали прибывших людей и крылья летучей машины. Туземка в середине толпы что-то крикнула, подняв руки – за складками шубы и капюшона не угадывался ни возраст, ни пол, но голос показался Эмми по-женски тонким. Толпа загудела опять, Абим обернулся, украдкой показав Эмми большой палец – все, мол, хорошо. Шепнул тихо:

– Договорились. В лучшем виде. Завтра с утра поедем.

Эмми пригляделась – и впрямь, дары исчезли с земли. Туземка приглашающе махнула рукой. Указала на дом – его Эмми сперва приняла за прилегшего отдохнуть мамонта – такой же полукруглый, мохнатый, большой. Лишь полог откинут вверх да светлый дымок вьется в небо от крыши. Люди вокруг замахали, жестами приглашая внутрь штурмовиков. Налетел ветер, пробрался, на мгновение сдул капюшон с головы. Толпа охнула, туземцы загудели – дружно, на все лады, показывая пальцами, как ветер мнет ее рыжие, длинные волосы. Мороз защипал, будто укусил за ухо. Абим наклонился к ней, кивнул, показав вокруг, пальцем – на туземных мужчин с винтовками.

– Будешь?

Эмми не поняла, но, на всякий случай замотала головой в отрицательном жесте. Абим дернул щекой, оскалился:

– Зря. Если для дела – шеф возражать не будет.

Эмми совсем запутавшись, замерла. Абим, видя ее смущение, пожал плечами, буркнул под нос: «дело твое». А потом, лязгнув ножом, надрезал себе палец, провел ей по лицу – тонкой полосой крови по щекам крест-накрест. Гул утих. Взгляды туземцев заскользили по ней, задерживаясь на миг на кровавом кресте – и улетали прочь, как Эмми показалось – разочарованно. Вспыхнуло небо над головой – искрящимся, рыжим огнем, мерцающим на лицах и шкурах животных. Эмми поежилась, потом увидела в небе звезды и поняла: садящийся транспорт подсветил облака, окрасив их рыжим и алым. Гул движков хлестнул по ушам. Старый мамонт поднял хобот вверх, трубно взревел – протяжно, провозжая взглядом остроносый небесный корабль.

Абим повернулся спиной. Эмми – за ним, скользя осторожно за полог мохнатого туземного дома. За первым пологом – второй, из плотной вязаной ткани, потом третий, четвёртый. Они поднимались перед гостями и опускались сразу после – быстро, с тихим шорохом, лишь бы не выпустить наружу тепло. После первого – мороз перестал грызть, после третьего пот потек по спине и куртка на плечах вмиг показалась Эмми слишком тяжелой. Заложило нос – воздух жилища был плотен и густ, запах такой, что обоняние Эмми покрутило пальцем у виска, наотрез отказавшись раскладывать его на составляющие. Кто-то закашлялся за спиной, высокий Абим пригнул голову – низко, согнувшись почти до земли. Эмми удивилась, но повторила за ним – действительно, так дышать было намного легче. Украдкой огляделась вокруг – полукруглые, связанные ремнями жерди над головой, седые шкуры внахлест. Мех с внутренней стороны свит, переплетен и завязан в хитрые косы. Черный, клубящийся дым под потолком, на растяжках и балках – бубенцы и яркие блестяшки. Эмми сперва подумала: серебро, потом пригляделась и увидела раздвоенные хвосты, ребра и чешую – коптилась рыба. Тусклым червонным золотом светилось в полутьме белое мясо, тусклым серебром – чешуя. Шкуры и войлок вокруг – проход был узок, пространство внутри разбивалась тканью на множество мелких закутков и загородок. Похоже – жилых, порожки подметены, пологи чисты и изящно вышиты в ромб алым и желтым узором. Эмми споткнулась о растяжку, присела, аккуратно ковырнула прихотливо вьющуюся нить – золотая. Абим придержал ее.

– Тумгытум, – окликнули их. Слова, будто галька на речном перекате – стукались, звенели непонятно и весело.

Туземка – та, что говорила с Абимом на поле, махнула рукой, приглашая их внутрь. Только троих – остальных штурмовиков туземцы уже растащили по другим укрытиям. Расширенный внутренний полог поднялся на миг, в лицо пахнуло влажным запахом пота, тепла и горького дыма. В кованой площадке трещал огонек, белый дым вился вверх. Плескался по углам полумрак, кружилась голова – внутри было тепло, тихо и душно. Абим присел на войлок, напротив огня. Откинул капюшон с головы. Капли пота сверкнули в полутьме – черные бусины на черном, блестящем черепе. Туземка чуть охнула, расширились от удивления глаза – узкие,

золотые глаза-нити над высокими скулами. Прядь волос выкрутилась из под шапки, скользнула ей на лицо. Она на миг замерла, протянула было руку к Абиму – потрогать, но сдержалась. Села напротив, ловко подогнув ноги под себя. Откинула капюшон – мягко прозвенели бубенцы, серебристыми искрами – мех. Плеснули, рассыпались черные волосы по высоким скулам. Достала бурдюк. Разлила белую жидкость по чашкам – старым, круглым, потемневшим от времени. Одну себе, одну подала Абиму. Потом Эмми – взгляд узких туземных глаз скользнул по ней на миг, задержался на кровавых метках на щеках и ушел дальше, не видя. Четвертую торжественно плеснули в огонь – пламя зашипело, белый пар поднялся столбом, затянув, закрыв влагой пологи. Закрутилась, зазвенела бубенцами под потолком подвешенная на шнурке костяная, точеная фигурка алмазной кошки. Туземка откинулась, завела песнь – одним горлом, глухо, протяжно. По стенам пробежала мелкая дрожь – мамонт взревел вдали, в такт, будто откликнулся песне. Потом еще один и еще. Рев хлестнул по ушам, Эмми невольно поежилась, опустила руки поближе к оружию. Под курткой, на поясе – люггер и нейроплеть. Эбеновая оплетка, шершавая, нагретая живым телом рукоять – прикосновение к оружию успокаивало, хоть и немного. Абим поймал ее жест, усмехнулся, мягко перехватив ее руку. Помотал головой. Потянул куртку с плеч. На груди узлами вздулись мощные мышцы. Эмми поймала взгляд туземки – мимо нее, на Абима, в упор. «Плывущий» уже, затуманенный. Увидела, как – алыми искрами по зеркальной коже – румянец ползет вверх по туземным щекам. И скользнула назад в темноту, за складки мехового полога.

Затаилась неслышно, слушая звон бубенцов и тягучий, вибрирующий тон чужой песни. Абим опрокинул стакан. Туземка тоже. Песня умолкла, затих горловой тягучий напев. Лишь бубенчики на потолке звенели – мерно, тихо, волнующе. Скользнул в уши шелест – тихий шелест меха о мех. Разошлись завязки, широкий пояс, звякнув пряжкой, упал, распахнулись полы теплой туземной шубы. Абим усмехнулся – белые зубы сверкнули льдинками в полутьме. Туземка потянулась, мягко толкнула его ладонями в грудь. Абим усмехнулся еще раз и позволил опрокинуть себя назад, спиной на мягкое ложе.

Эмми осталось лишь наблюдать.

Как разошлись меховые полы, как шуба скользнула вниз по плечам и в неярком свете вспыхнула, замерцала под шелком прозрачная кожа туземки. Отраженный свет очага, мягкий рыжий огонь, пламя о двух языках, увенчанный острыми, бесстыдно торчащими в стороны грудями. Вспыхнул, закачался, пробежал искрою по мягкому ворсу ковра. Скользнул змейкой – вперед, Абиму на бедра. Тонкие ладони опустились, пальцы коснулись его чёрного лица. Скользнули на шею и грудь, застыли, перебирая россыпь навешанных склянок и амулетов. Абим хлопнул ее по руке. Сильно – амулеты были его личные, тайные, колдовские. Схватил за плечи, стреп, подмял под себя, не слушая тихих дурманных визгов. Эмми отвернулась, надвинула капюшон на лицо и попыталась ни о чем не думать. Таким. Звуки бились в виски, кружили, пьянили голову не хуже водки. Приснился ей ее шеф, Жан Клод Дювалье. В своем кабинете, у широкого панорамного окна. Под конец – в виде большого белого мамонта.

Поутру ее разбудил мягкий стук и невозможный здесь запах свежего кофе. Эмми вскочила – аккуратно, на всякий случай, держа руки поближе к оружию. В отверстие дымохода сочился тусклый солнечный свет. Огляделась. Они по-прежнему были втроем. Туземка сидела, возилась с плошками у очага. Тихо, чуть напевая под нос – протяжно, мурлычаще весело. Абим, подобравшись, сидел на ковре. Задумчиво, недвижимой черной горой, лишь пальцы шевелились, перебирая склянки и корешки – висящие на груди амулеты. А туземка улыбнулась вдруг ей, кивнула, протягивая старую чашку. Качнулось пламя в жаровне, искра взлетела, отблеск пробежал по скуле, осветив алую, кровоточащую ссадину.

– След от Абимовой бляхи, – подумала Эмми с непонятным себе раздражением. Алмазная кошка сверкнула с дымохода ей в глаз – льдистым северным блеском. Пряный запах обжег язык – кофе оказался неожиданно вкусным.

– Откуда? – Изумленно спросила Эмми себя. Потом сообразила, поправилась. Космопорт рядом, откуда же еще. Туземка протянула к ней руки, проговорила что-то. На своем, каменно-звонком наречии. Лингвоанализатор кольнул щеку, зашипела бусина в ушах. Перевод. Эмми сморгнула раз, другой, пытаюсь понять, что же ей такого сказали.

Туземка заметила ее смущение, кивнула, поговорила еще раз. Как маленькой, медленно, смотря ей в лицо узкими, шальными глазами:

– Извини. Мне жаль, что наши мужчины не смогли оказать тебе достойное уважение.

– Уважение? Какое? Такое же, как эта кошка всю ночь оказывала Абиму? Эмми хотела отгрызнуться и не смогла. Поняла вдруг – да, именно оно. В уши – звон бубенчиков и холодный отрывистый треск. Абим встал, – резко, на мощной груди загремели, столкнувшись, его волшебные склянки. Накинул курку, огляделся, коротко бросил: пора. Туземка улыбнулась ему. Абим потряс головой, сорвал и сунул в карман одну пустую стеклянную фляжку.

Воздух за первым пологом показался для Эмми прохладен и приятно-свеж. Второй и третий заставили накинуть капюшон и задернуть молнию под самое горло. Четвертый бросил им в лица мороз и горсть мокрого холодного снега. Солнечный луч скользнул по глазам – неяркий, призрачный луч тусклого полярного солнца. Задрожала земля. Белый мамонт топнул ногой, заворчал на гостей сверху вниз, кося черным, недоверчивым взглядом. Уперся, заградив путь, мотнул лохматой башкой – по земле скользнул, взрыхлив белый снег, желтый обломанный бивень. Абим показал ему кулак. Туземка шагнула вперед, взмахнула руками, залопотала – на своем, быстро и ласково. Белый зверь замер, мотнул головой. Поросший клочковатой сизой шерстью хобот описал в воздухе круг, опустился вниз. Туземка улыбнулась, протянула руки и почесала его. Нежно и ласково. Ветер смахнул повязку с ее лица, солнечный луч скользнул, вспыхнул узором на острых скулах. Эмми сморгнула – только сейчас заметила, как та еще молода. И на руках – кокетливые, расшитые в бисер котятками варежки.

– Что это было?

– Культурные особенности, как говорит шеф. Забей, сестра, мы сюда больше не вернёмся. – ответил ей на ухо Абим. Штурмовики собрались вокруг. Белый мамонт косил на них сверху вниз черным, с багровыми жилками, глазом.

Туземцам понадобилось полчаса, чтобы свернуть меховой дом и еще полчаса – чтобы навьючить и построить зверей для марша. Эмми досталась корзина на мохнатом боку. Удобная – можно упереться коленями, спрятать голову в жесткую шерсть и поспать. Что она и сделала. Снился ей опять шеф. И туземное, мать его, уважение.

Когда проснулась – была уже ночь. Беззвездная северная ночь подсвеченная багровым и алым огнем ракетных тормозных выхлопов. Облака мерцали, переливались над головой. А прямо впереди – ряд ярких белых огней. Бетонная, в два человеческих роста стена. Защитный периметр. Над головой, низко – прожекторный луч. Белый, ослепительный столб света прошел поверху, чудом не зацепив макушку лохматого зверя. Эмми невольно дёрнула руки к ушам, ожидая оглушительный рев сирены общей тревоги. Абим хлопнул ее по плечу. Все, мол, хорошо, готовься. И полез на шею, наверх, ловко карабкаясь по ремням сбруи. Стена – близко, рядом почти. Обледенелый бетонный вал с двойным рядом проволоки поверху. Под током – на сигнальных лампах горели багровым огни. Луч прожектора плясал над головой, выписывая восьмерки позади них, на пустом голом поле. Погонщица на загравке крикнула, зверь под Эмми глухо взревел. На мгновение замер, повел лохматой башкой. И зацепил бивнем колючую проволоку.

– Ловко, – невольно подумала Эмми, глядя, как длинные желтые бивни легко выворачивают из станин колючую проволоку. Брызнули искры, мигнули и погасли багровые злые

огни. Мамонт встрянул – довольно, сделал два шага назад. Корзина под Эмми мотнулась, зарылась глубже в лохматую шерсть. Эмми решила залезть наверх, вслед за Абимом. А то с глубины плохо видно. Прежде, чем она успела схватиться за ремень – зверь рванулся вперед. Заскрипела упряжь, мышцы под толстой мохнатой кожей – напряглись, завились узлом. Взвился хобот, ударил в уши трубный, довольный рев, тут же забитый глухим рыком взлетевшего транспорта. И треск. На глазах Эмми целый участок стены пошел трещинами, дрогнул и закачался. Посыпались камни, взлетела в воздух серая пыль, и периметр рухнул с оглушительным грохотом.

– Ничего себе, – оторопело подумала Эмми, забираясь таки наверх. Погонщица присвистнула, мамонт довольно взмахнул лохматой башкой. Эмми потеряла виски.

– Вот это лоб. Крепкий.

– Бетон старый, – тут же поправилась она, глядя вниз. Под ногами зверя крошились в труху разбитые плиты. Мигнул зеленый огонь, в ночном небе над ними развернулась, зависла крылатая тень – остроносый патрульный флайер. Рукоять люггера привычно толкнулась в ладонь. Но флайер, мигая, висел неподвижно и луч прожектора скользнул опять мимо, впусую по черной земле. Абим схватил ее за плечо, улыбнулся, показал пальцем назад. Во тьму у стены, прямо за хвостом белого мамонта. Там с земли тоже мигал огонек. Неяркий, прерывистый свет ручного фонаря – длинная вспышка, короткая, длинная. Погонщица присвистнула, сзади, из корзины, махнули в ответ. Со спины зверя начали срываться и падать на снег мешки и длинные мягкие свертки. Абим сверкнул зубами, оскалившись ей во весь рот:

– Контрабанда...

И показал средний палец вдаль, черному кубу здания таможенной службы. Мелькнула яркая вспышка, тени легли, расчертив лица холодно-рыжими полосами. Очередной транспорт взлетел. Мамонт замер, помотал головой. Абим оставил Эмми, полез, цепляясь за ремни, вверх, на загривок зверю. Рация в ухе хрипнула, сказала тихо – пора. Эмми оглянулась – и впрямь, пора. Слева, рядом, в сугробе – бетонный, уродливый гриб. Их цель. Вход в технические коридоры порта.

Штурмовики прыгали по одному – вниз с бока замершего зверя. Спускались на ремнях, отталкивались, падали в сугроб, перебежали рысью к раскрытому люку. Первая группа, потом вторая, третья – неясные черные тени на белом снегу. Мигнул зеленым фонарь, рация в ухе прохрипела голосом сержанта заветное: «путь чист». Эмми пересчитала глазами людей – все, кто нужно, уже был внизу, на мамонте остались только она, черный Абим и туземка. Схватила было за лямки – спускаться, оглянулась в последний момент. Абим – еще на загривке, позади нее. Вспышка света – яркая, мертвенно-бледная выхватила из тьмы его черное лицо, белки глаз и белые зубы. Туземка-погонщица помахала ей. Ткнула вниз пальцем – спускайся мол, не задерживай. Луч прожектора чиркнул, заиграл на щеках, вспыхнул изумрудным ореолом на шерстяной шапке. Абим протянул ей руку – будто прощаться хотел. А потом выхватил нож и, с маха, в один удар перерезал погонщице горло.

Тело Эмми решило «что делать» раньше ее головы. Она еще пыталась понять – что произошло, а руки уже сами собой рванули лямки, мышцы стянулись пружиной, и ноги послали ее в полет – прочь, подальше от бока мохнатого, хрипящего зверя. Упала рыбкой в сугроб, перекатилась, вскочила на ноги. Кровь ударила в уши, оглушительно заскрипел на зубах серый снег. Черный провал люка впереди, штурмовик у входа машет ей – давай, мол. Медленно, очень медленно. Эмми прыгнула туда – быстро, почти физически ощущая спиной топот ног и тяжелое дыхание лохматого хобота.

Обернулась только у входа, застыв на миг в спасительной тени бетонного свода. Мамонт еще не понял ничего – так и стоял, замерев, лишь хобот ходил взад-вперед да на макушке дрожали смешно мохнатые большие уши. Абим догнал ее в два прыжка. Огромный, черный, весь, с ног до головы – в алой дымящейся крови. Подхватил на бегу за плечо, подтолкнул,

закинул внутрь. Захлопнул толстую стальную дверь. Глухо шелкнул замок, отрезая их от внешнего холодного мира. Вспыхнул фонарь. Алым, тревожным огнем, отразившись тусклым мерцанием в темном стекле обзорного экрана. Эмми прижалась к стене, и: звеняще, яростно, люто, сбрасывая минутный ужас в слова, бросила в лицо Абиму:

– Ты что, охренел?

Руки сами собой опустились на пояс, вниз. Под большим пальцем оглушительно шелкнул предохранитель люггера. Абим не отвечал. Замер, скрестив руки, задрал в потолок белые, чужие, невидящие глаза. Качнулся вдруг. Затянул – одной нотой, непонятный, скребущий за душу звук:

– Май Муэлле.

Голос был не его: густой, низкий, вибрирующий. Нечеловечески низкий рык, страшный до звона в ушах и холодной струйки по ребрам. Эмми шагнула вбок, вдоль стены. Аккуратно, без лишних движений. В руке люггер, на поясе нейроплеть. На лестнице вниз плескалась такая укромная тьма. Абим качнулся на каблуках. С лезвия кривого ножа сорвалась, упала вниз капля алой крови. Потом – резко, встряхнулся вдруг. Мелко, по-собачьи, махнул большой головой, вытер нож. Аккуратно собрал в склянку кровь. Протянул Эмми, улыбнулся, бросил короткое:

– Будешь?

Улыбка плясала у него на лице. Широкая, белые зубы сверкают меж губ. И голос нормальный. Совсем. Эмми аккуратно повела головой, не зная, что сейчас думать

– Зря. Видела, как эта коза вела мамонта? Я видел. Без поводьев, без палки, даже без рук. Ладонью и голосом, только. Магия это, сестра. Колдовство настоящее. Шеф смеется, а зря.

Мигнула лампа, по полу, тонко – гул старта и мелкая дрожь. Космический корабль взлетел. Тяжелый храп за окном – белый мамонт все так же бродил по снегу, недоуменно кося глазами. Абим задрал голову вверх и завыл. Опять. Низким, нечеловеческим воем.

– Хартыкнагграу...

Рев хлестнул по ушам. Будто в ответ. Тоже глухой, низкий до дрожи в спине. Звериный яростный вой. Белый мамонт развернулся – резко, на месте, заложив уши. Прыгнул, обрушившись всем телом на бетонную плиту. Задрожала земля, свет погас, с потолка – дождем – посыпалась мелкая крошка. Завыла сирена, в тон ей, глухо по-звериному рывкнул Абим. Мамонт взревел в ответ – тяжело, грозно. Эмми невольно поежилась: это и впрямь было похоже на диалог. Точнее на крепкий загиб перед боем. Заскрипела крыша, разлетелось осколками бронестекло. В лицо ударил снег и холодный, пронзительный ветер. Сирены взвыли, часто, отрывисто застучал пулемет. Федеральный флаейер решил вмешаться таки. Абим замер, бросил коротко «Видишь теперь? Пошли».

И Эмми пошла: по лестнице, потом коридором и вниз, в глубину технических подземелий. Это была ее работа, в конце концов. Абим и остальные – за ней. Последний из штурмовиков наклонился и, непонятно зачем сунул грязную тряпку в карман. Ту самую, которой вытирал нож чёрный Абим. Варежку с игривой, вышитым мелким бисером кошкой.

Глава 2 Эмми. Тёмные коридоры

В коридорах Эмми пришла в себя. Это было ее царство – обшарпанные бетонные стены, низкие потолки, лиловое мерцание энергопроводов и багровое, тусклое – аварийных ламп. Полумрак, сырость и звенящая в закоулках капель. Штурмовики приуныли, даже черный Абим поник головой, озираясь растерянно на звон воды и шорох ветра в пустых коридорах. Эмми усмехнулась на миг – про себя. Штурмовики да и сам Абим были местными. Дикая дети лесистых равнин планеты Счастье – их пугал искусственный, расчерченный по линейке и циркулю техногенный мир космопорта. Откровенно, до скрипа зубов и нервного дерганья стволами на каждый шорох. В темном углу прошелестела сдутая ветром бумажка, в руках у сержанта отрывисто лязгнул затвор. Абим грязно выругался. В неярком мерцании штурмовых фонарей – лицо его было светящимся, мертвенно – сизым. Эмми усмехнулась – опять про себя. Скользнула вперед – по стенке, звук шагов спрятался, утонул за гулом воздухопроводов. Путь преградила глухая железная дверь. Эмми усмехнулась в третий раз, глядя, как тыкаются штурмовики, ища несуществующую ручку. Откашлялась, отодвинула Абима в сторону, шагнула вперед. Голографический терминал вспыхнул радугой у лица. Это было как раз то, зачем ее сюда взяли. Технологический уровень, автоматизированная система слежения, авторизация доступа, логин и пароль... Руки затекли, Эмми помянула про себя мотом федеральных жмотов, скормившей колонии провалившийся на родине световой интерфейс вместо нормальной, человеческой клавиатуры. За спиной отрывисто лязгнула сталь. Штурмовики затянули тягучее:

– Оммм

– Брамимонда...

Хором на десять голосов. Вспышки света пробежали волной по раскрытым ртам и широкоскулым, расрашенным перечеркнутой молнией лицам. Дети лесов – дурацкий голографический интерфейс казался им дикой, непонятной разуму магией. Эмми усмехнулась, Абим, украдкой, показал ей кулак. Та кивнула, обернулась и взмахнула руками опять. Голографический интерфейс откликнулся ей – ореолом, серебристым огнем на ладонях. Паролей она не знала, да ей и не требовалось. Система была колониальная, адаптированная, изъеденная закладками, контролерами и черными ходами федеральных ведомств.

Зачем в чисто техническую сеть подвальных этажей космопорта встроила свой контроллер федеральная налоговая полиция – Эмми не знала, да и не задумывалась. Просто влезла и ввела старый, подслушанный в еще прошлой, земной жизни код. Доступа не получила – налоговые не вчера родились и пароли меняли регулярно – но он ей и не нужен сейчас. Мигнул знак отказа, Эмми усмехнулась, выловила из потока мусорных данных уникальный идентификатор, вышла из системы и снова зашла. Контролька вторая – федерального департамента сетевого контроля и модерации. «Эти что собрались ловить на складе технических чертежей, карт и должностных инструкций?» – украдкой подумала Эмми, аккуратно вводя стащенный у налоговиков идентификатор. Готово – теперь налоговая считала ее модератором, а пропагандисты – налоговиком. А фаерволл космопорта ее не видел вообще – не по чину теперь ему Эмму видеть. Финальный взмах, серебристая молния скользнула меж пальцев, приветственно вспыхнул зеленый огонь:

«Доступ разрешен».

Дверь с тихим шипением откинулась вбок. Замерцали лампы – тёмный коридор впереди окрасился красноватым, неярким светом.. За спиной лязгнул стально затвор – черный Абим готовил к бою штурмовую винтовку.

– Оммм – глухо выдохнули его бойцы, – омм, Брамимонда...

В переводе с туземного: «смерть». Официальная должность Эмми – теперь, согласно приказа Жана Клода Дювалье, доктора медицины. Выглядело шуткой, но нет – она лично видела строку в платежной ведомости.

Абим шагнул вперед, ловя на прицел полутьму коридора. Эмми скользнула за ним – на мягких ногах, тихо и аккуратно. В руках – люггер и отключенная пока нейроплеть. Пошутил ее шеф или нет – но ей сейчас лучше соответствовать занимаемой должности.

Идти было долго – коридор ветвился, петлял, то и дело уходя в стороны. Мерцали лиловым над головой провода, черная грязь пузырилась, противно хлюпала под сапогами. Эмми скользила впереди. Человек – тень, невидная здесь и неслышная. Абима пришлось отодвинуть – в туннелях гигант слишком шумел, вжимал голову в плечи и путался даже на простых поворотах. Остальным было еще тяжелей. Эмми вела их, следуя за линией энергопроводов на потолке и периодически сверяясь со схемой. Голограмма вспыхивала огнем между пальцев, штурмовики сзади замирали, выдыхая хором свое тяжелое «оммм». По десятому разу – бесило люто. Эмми притормозила – чуть, пристраиваясь рядом с Абимом.

– Слушай, – спросила она, аккуратно понизив голос до шёпота: – а что – там? На миссии?

Струйка пота скользила у того по виску – серому сейчас. И голос глухой, рвущийся – будто воздух подземелья давил черному гиганту на грудь. Но тот собрался, стряхнул ладонью пот с высокого лба и ответил:

– Не знаем, сестра. Груз у шефа пропал. На орбите, был транспорт до внешних планет – был и исчез без следа. По последнему сигналу – чисто, федералы им проверку документов устроили и все. Потом – все. Грузовик без следа, а груз потом на луне Геллера засветился. Засветился и опять канул – сумел уйти у наших людей буквально меж пальцев. А сейчас всплыл – верные люди из портовых видели, как федералы его с челнока в двадцать седьмой ангар втихаря перекидывали. Короче, шеф велел разобраться и зачистить там все.

– Федералы? – Эмми опять замерла, прикидывая, насколько безопасно брякнуть сейчас Абиму в лицо: «Я с десантной бригадой драться не подписывалась». Улыбается, черт. В неярком свете потайных фонарей – белым сахаром сверкнули крепкие зубы. Эмми поежилась опять, вспомнила поле, мамонта и кривой алый нож. Слова завяли на языке. Абим заметил ее мандраж. Кивнул, убрал улыбку, коротко пояснил:

– И да и нет. Шума нет, на линиях чисто, полиция приказов о содействии не получала – шеф бы знал. Похоже, работали федеральные, но не власти. Кто-то из их рядовых чудит втихаря.

– Кто?

– Неизвестно. Но ребята серьезные – на луне Геллера их обнаружили. И уже пытались прихватить.

– И... – Эмми опять сглотнула, вопрос задрожал на губах. И растворился в полутьме коридора – так и невысказанный. Абим дернул лицом:

– Там наш ударный провод был. Весь. И упустили.

Эмми невольно поежилась. Ударный «провод» местных штурмовиков – это не федеральный десант, но тоже очень и очень серьезно. Встряхнулась, разминая ладони. Лампа мигнула, по потолку пробежал голубой огонек, отразившись бликами на лицах туземцев. Идти было далеко, терминалы еще будут впереди, но... Схему Эмми решила запомнить на память сейчас. Чертов голографический интерфейс – дурная штука, руки от нее в момент затекают.

Два поворота налево, направо, вниз и наверх. Шорох воды по углам, тьма и мертвенный свет технических ламп и энергопроводов. Мерцающие бледные лица – лучи фонарей плясали, дробясь на зеркальной коже туземцев. Коридор сужался, идти приходилось по одному. Акку-

ратно, оглядываясь на поворотах. Налево, направо и снова – наверх. Пока Эмми не ткнула пальцем в люк над головой и не сказала:

– Пришли...

– Точно? – аккуратно спросил Абим, озираясь. Эмми даже удивилась сейчас – взгляд Абима описывал петли по потолку, остановившись вверху, прямо на маркировке штрих-кода. Не видя, явно не понимая – до того большие у него были сейчас глаза. Эмми протянула руку, на пальцах вспыхнул багровый крест:

Именем федерации, доступ запрещен.

– Видишь? – пояснила она, – федеральный уровень, колониальные системы блокированы, все. Что бы оно ни было – это здесь.

– Кванто кхорне, – рявкнул Абим. Решился. Будто воздухом джунглей повеяло по коридору – так прогремел, отразившись от стен их боевой клич, глухая, резкая солдатская песня.

– Кор кхванте, – синхронно ответили штурмовики. Затворы залязгали, лица подобрались, налились на щеках хищным, мертвенным блеском знаки перечеркнутой молнии. Абим лязгнул склянкой, с его пальцев потек белый порошок – струйкой, людям на лица. Глухо хлопнул вышибной заряд. Противно, до боли в ушах закрипели проржавевшие петли.

И тут Эмми поняла то, что должна была сразу понять: блок на двери стоял не просто федеральный. Тараканья морда в углу, эмблема десантной бригады, мать ее так. По пальцам – волною нервная дрожь. Абим мазнул белым порошком и ей по лицу. За спиной завыли привычное: «Оммм, брамимонда». Оставалось идти вперед и надеяться, что волнения со стороны не видно.

Первый человек попался им сразу – почти, у лестницы, за углом длинного внутреннего перехода. Эмми даже не успела сообразить – просто поймала ухом стук каблучков за стеной, метнулась в сторону – на мягких лапах, по-кошачьи неслышно. Человек за углом длинного технического коридора – она не разглядела сперва в полумраке – кто, лишь заметила силуэт. Чёрную тень, гремящую пилотскими сапогами. Человек прошел мимо нее, увидел штурмовиков, замер на миг, метнулся – в сторону, слепо, срывая с пояса ребристый изогнутый ствол. Открыл рот, попытался крикнуть – лишь зубы сверкнули во тьме. Эмми спустила курок. Люггер коротко рявкнул, человек сглотнул воздух, упал и затих, так и не издав ни звука. Шорох шагов.

– Влад, что...

Голос хлестнул по ушам – тихий, мелодичный и тонкий. И тут же звон – фарфоровый чайник выпал из рук, упал, разлетевшись по стенам осколками. Абим прыгнул, полицейский «Скорпион» в его руках залаял, забился короткой сдавленной очередью. Шум падения, короткий, сдавленный хрип. И тишина. Эмми огляделась. Человек в пилотском костюме был мертв – две девятимиллиметровые пробиты грудь и горло. Пули люггера Эмми с ликом Эрзули Дантор на эбеновой рукояти. В руках – Эмми на миг замерла, пригляделась – в ее грудь еще целился пилотский клеевой пистолет. Мертвый палец застыл, словно еще пытаясь вытянуть клемму предохранителя. Мерзкая штука, Эмми даже передернуло на миг. Но...

Абим присвистнул, Эмми оглянулась к нему. Хлопнул заряд, снося с петель толстую дверь в конце коридора. Вспыхнул свет – тусклый, красноватый свет аварийных ламп, озаряющей вытянутый, темный в углах технический зал ангара. Штурмовики рассыпались в цепь – густо, от стены до стены, зашагали, вытягивая, под стук автоматов, на ходу свою гортанную дикую песню. Туземную, дикую песнь джунглей планеты «Счастье». Автоматы лязгали еще дважды, очереди «скорпионов» ревели, снося людей. Испуганных, зеркальнолицых туземок.

– Тот самый груз, – коротко бросил Абим, оглядывая помещение. Широкий, тонуший а полутьме технический зал.

– ШайАКара... – Выдохнули штурмовики.

Туземный титул их шефа. «ШайАКара», муж тысячи жен... Сизый дым вихрился, уходя струйками в решетчатый потолок. Тело под ногами, Эмми запнулась невольно. Сморгнула, прищутив глаза – у убитой на лбу, под кокетливой челкой – татуировка и впрямь. Знакомая молния, личная печать шефа – она часто видела ее. На скатертях, фарфоре тарелок и лицах штурмовиков. Только здесь, сверху, почти перекрывая ее – скалила пасть хищная тараканья морда.

Дрогнул под ногами настил. Под потолком замигала, задержалась в пазах желтая тусклая лампочка.

– Осторожней, Абим, – крикнула Эмми, рывком уходя в прыжок. В тени, в сторону, прочь, подальше отсюда. Больно ударил по ребрам настил. И – мимо, чудом не задев плеча мелькнула серебристая хищная молния.

Грохот был только потом. Грохот, жалобный скрип и скрежет разодранной стали. Слетела с петель дальняя дверь. Свет хлестнул по глазам – холодный, ослепительно яркий свет штормовых фонарей. На плечах огромной, будто изломанной фигуры в десантном доспехе высшей защиты. Глухой шлем на голове – лес антенн топорщился вверх от висков, делая маску хищной, похожей на лицо богомола. Серебряная молния мелькнула еще раз, метнулась зигзагом по залу, накрывая одного из штурмовиков. Накрыла, раздулась шаром и лопнула, превратив человека в бесформенную кровавую кашу. Дрогнул под ногами настил. Десантник шагнул вперед. «Добро» в руках описало круг, ловя следующую цель широким дулом.

– Май муелле... о, май лулумба...

Провыл хрипло черный Абим. Люто, как заклинание. Вскочил на ноги, вжал в плечо «скорпион» и выдал во тьму оглушительно-длинную очередь. Яркой россыпью искр – рикошеты по десантной броне. Точно в цель – в горящий багровым светом визир над скулами шлема.

– Кванто кхорне, – заорали штурмовики, открывая огонь. Рев хлестнул по ушам – рев выстрелов, медный звон пустых гильз, от стволов – столбы огня и сизого дыма. И холодный, пронзительный писк пустых рикошетов. Хлопок, потом другой, взрыв – фигура дрогнула, окутавшись облаком гари. Глухой кашель – выстрелил подствольный гранатомет. Сержант выкрикнул «ха» выпрямился, загоня новую гранату в дуло.

Двое метнулись вперед – тенью, с темным диском в руках. Сердце в груди Эмми забило, бухнуло глухо в ключицы. Теллер-мина, тяжелый стеноломный заряд. Десантник – здесь он был случайностью, страшным, недобрым чудом, но Абим и сам привык творить чудеса. Мина могла его взять. Шаг, еще один. Серый, лаковый блеск тяжелой брони. Эмми потянулась – закрыть уши, открыла пошире рот. Как бы взрывом не выбило перепонки. Не успела. Совсем чуть-чуть. Тонкий девичий визг. Уцелевшая туземка прыгнула с пола, наперерез, покатилась, упала в ноги штурмовикам, сбив обоих на полушаге. Ослепительным шаром – взрыв. На два метра дальше, чем следовало.

Стальной гигант лишь качнулся, «Добро» в его руках развернулось, плюнуло вновь, пробив брешь в рядах черных. Атакующих просто смело. Абим чудом увернулся, встал – опять, прочной глыбой гранита, лицо – не лицо уже, черная, блестящая маска гнева и бешенства. Отшвырнул расстрелянный магазин, потянулся к поясу. Слепо. «Как бы не за ножом» – подумала Эмми – в углу сейчас, невидная и неслышная тень в полумраке. За спиной у Абима – вскрытый технический лаз, ему сейчас так легко прыгнуть назад, уйти, растаять в темноте коридоров.

Абим с хрустом вогнал в патронник новый магазин и дал – в упор – новую длинную очередь. Яростно, люто – прозвенели по полу гильзы, прозвенели, сталкиваясь, амулеты на черной груди. Десантник качнулся, в пальцах у Эммы звонко шелкнул металл. Предохранитель. Подарок их шефа, Аздаргская нейроплеть. На яблоке – надпись бриллиантовой вязью. «Коса для моей смерти». Шеф лично дарил. Она еще пыталась понять, что делает, но руки уже

все решили за нее. Щелкнул предохранитель, пальнула жаром эбеновая рукоять, задрожала, вспыхнула в воздухе зеленая молния. Свилась в дугу, развернулась и прынула. Десантник дернул ствол к ней – медленно, не успевая. Закружилась, щелкнула плеть, ударила, снеся с маха широкое дуло «добро» уже наведенному для встречного залпа. В ноздри ударил озон, рыжим дождем в полутьме посыпались искры, Абим хрипло заорал «не стрелять». Эмми прыгнула вновь, перекатилась, встала, раскручивая вновь зеленую, мерцающую ленту силовой плети.

Уцелевшие штурмовики рывкнули – хором, голоса зазвенели, отразившись эхом от стен.
– Оммм.

...Омм брамимонда...

Десантник отступил назад. Помотал железной башкой – резко, ставя визирь на место. И ответил вдруг. Непонятно с чего. Неживым, синтезированным голосом:

– А я Арсен. Чтоб вас всех, суки.

Сверкнул в воздухе широкий нож, звякнув обухом об медную окантовку. Эмми лишь усмехнулась, прыгая вперед. И вторая атака чуть не стала ее последней. Разворот, закрутка, бросок – зелёная молния прынула, изогнулась в воздухе, тянясь жадными струями силовых полей к горлу. Налетела на нож, лопнула и упала, бессильно, в облаке искр. Арсен рванулся – с места, наперерез. И быстро, неправдоподобно быстро для громоздкой и страшной фигуры. Брызнули искры – наплечник брони в перекате выбил дробь о решетку. Прогрохотала очередь – низко, над головой. Абимовы пули пробиты дробь по кирасе, чуть притормозив Арсену бросок. Эмми успела – едва, но успела уйти с места в прыжок, разминувшись со свистнувшим в воздухе лезвием. Нейроплеть сократилась почти на треть. Обрубленный ножом конец лежал на полу – куском мертвой, безжизненной проволоки.

Десантник шагнул к ней – быстро, движения были выверены и нечеловечески точны. Гремели пластины брони – мерно, похоже на насекомого. На наплечнике – зеленым по белому цифра семь. И эмблема бригады. Хищная, тараканья морда. Как на лицах убитых штурмовиками.

«Местные ведь не рисуют знаки просто так. Особенно такие»

Подумалось вдруг ни с того ни с сего. Эмми сделала выпад, потом другой. Плеть взмыла и отлетела прочь, укоротившись еще на пару сантиметров. Поворот. Уход в сторону, прыжок, новая атака. Плеть свистнула в воздухе – жалобно, опять напоровшись на нож. Еще минус десять сантиметров дистанции. Скоро чертов десантник достанет ее и рукой. И Абим молчит, боится зацепить Эмми на рикошете. Прочие вообще застыли, тянут свое дурацкое «ом-м-м-м» в десяток глоток. Чудо – пламенем горит в их глазах. Отворот, десантный нож рвет, пластает на дольки воздух – мимо. Опять. Повезло. Багровая полутьма. С потолка, от разбитых ночных фонарей летит вниз, сверкая, острая стеклянная крошка. Новый выпад, струится по полу зеленая плеть. Отворот. Подошва скользит, глухо лязгает, вздыбливается под сапогом стальная решетка настила. Чуть не споткнулась о измятый куль под ногой – тело. Одна из убитых штурмовиками туземок. Пластает воздух десантный нож – серебристой речною рыбкой. Таракан на плече... свет фонаря пляшет, вьется на черной эмали. Мерцает, как на туземном лице.

Эмми вдруг наклонилась и – непонятно с чего – рванула за волосы мертвое тело. Притянула к себе. Свет уколот глаз, раздробившись в чужих щеках – на вязи татуировки.

– Курвасса мать вашу мит орен.

Громоподобный, усиленный динамиками клич. До боли в ушах – злой, тяжелый и матерный. Плеснул багровым светом визир. Десантник рванулся к ней. Крикнул – вроде бы имя, Эмми не разобрала. Ушла перекатом в сторону, развернулась, потянула плеть на себя. Зеленая молния натянулась, ужалила в латные сапоги. Обернулась, хлестнула выше, уже по ногам, сжигая и плавя все под доспехами. Десантник упал. Замер на полушаге, качнулся и рухнул – тяжело, наполнив зал гулом и скрежетом мнущейся стали.

Крик – по ушам. Женский, тонкий, захлебывающийся. Хлестнул, задрожал и утих – вмиг, оборванный сухим стуком очереди. И тут же, вдруг тишина – ватная, глухая до боли. Руки дрожали. Эмми смотрела все вниз – истово, не отрываясь. Мысли стучали в виски – гулко, как молотком в бочку.

«Целый десантник, о черт. Непобедимый, мать его так. Зачем я полезла, дура? Могла же уйти...»

Тишина лопнула, разорвалась кличем на десять штурмовых глоток.

– Омм брамимонда

«Ага, и скрываться потом в коридорах всю жизнь. Нет уж»

Абим встряхнулся, закидывая автомат на плечо, смерил ее взглядом, пробормотал:

– А шеф был прав. Воистину брамимонда.

В переводе с туземного – смерть. А ведь, теперь, после невозможного – да. Ручная смерть господина Жана Клода Дювалье, доктора медицины... Абим поклонился, штурмовики вытянулись, отдали честь.

– Теперь все. Пошли, давай выбираться отсюда.

Коротко бросил Абим. Протянул руку. Эмми поежилась – чуть. Вспомнилось поле и мамонт. И смешные котята на варевках. Ну уж нет.

Эмми сделала вид, что не заметила. Шагнула к лежащему на земле телу, наклонилась, вывернула нож из мертвой руки. Десантный, прямой клинок, у зазубрин на обухе надпись – непонятная глазу вязь и смешная, большеглазая рожа. Сорвала и ножны – пусть будет трофей. «Только надпись потом свою выбью». Демонстративно пристроила на пояс, повернулась, кивнула Абиму – теперь, мол, можно, пошли. Тот улыбнулся – явно понял намек. Кольнуло бедро – нож не свой, болтался в ляжках, коля бок крестовиной.

А выбраться с космопорта оказалось до смешного легко. Опять вниз, коридорами технических этажей и наверх, в служебные залы управления порта. В подвале их окликнул какой-то техник, оглянулся, повел их за собой, по лестнице. Эмми схватилась было обратно за плетень, но разом повеселевший после коридоров Абим жестом остановил ее. Все, мол, в порядке, сестра. Потом был чей-то обшарпанный кабинет, долгий и малопонятный разговор, пачка крестовых лаков на столе и маленький пассажирский экраноплан, отвалившийся в море от служебного, скрытого от лишних глаз пирса. Волна шипела, разбивалась о гранитный причал, ветер нес пену в лицо, трепал и бился об полы куртки.

– А войти мы так не могли? – шепнула Эмми под нос. Раздраженно – усталость крутила, отдаваясь звоном в висках и мелкой дрожью в коленях, – обязательно было покатушки на мамонтах устраивать?

– Конечно, нет. Это же не вход, выход... – ответил Абим. Потом пояснил – свернув зубами, смахнул влагу с лица. Качающийся на волне экраноплан привел его в веселое настроение.

– Въезжающих таможня плотно пасет, а выезжающие ей неинтересны. Совсем. Только охрана периметра, а с ней договориться можно. Все одно мамонты на космодроме пасутся. Раз в месяц бродят сквозь стену, то туда, то сюда. Периметр весь в заплатках, Таможня устала уже. Забей, сестра, недолго им здесь сидеть осталось.

Оскалился – хищно и зло, лицо будто вспыхнуло, налилось черным, бесшабашным весельем. Вскинул средний палец вверх – ворону федерации на черном кубе здания таможенной

службы. Голограмма вспыхнула, прорезала черное небо вокруг – прожекторным лучом, словно ярким, невидящим глазом.

Матрос махнул им рукой. Откинулся трап и Эмми резво скользнула на борт – в салон, украшенный перечеркнутой молнией. Голова кружилась – слегка. Уже не только с усталости.

– Высоко... Ой, высоко замахнулись...

Матрос поклонился ей. Та же перечеркнутая молния на рукаве, а глаза – большие и удивленные. Шёпот за спиной – то же, знакомое «оммм, брамимонда».

В салоне мерцал мягкий свет – переливом на меди и белом дереве облицовки. Мягкий диван и кофе уже на столе – горячий, дымящийся, пряный. Загудел чуть слышно мотор, пол под ногою мягко качнулся – экраноплан дал ход. Россыпь огней в иллюминаторе качнулась, поплыла назад. Алых, рыжих и белых портовых огней. Они начали гаснуть вдруг – один за другим, медленно. Они плыли в иллюминаторе слева на право, дрожали, скрываясь по одному в ночной мгле, за непроглядной стеной острого гранитного пика.

«Скала «Прощай родина»» – вспомнила Эмми вдруг слышанное от кого-то название, – говорящее название, воистину – прощай. Мало кому удавалось увидеть эту гранитную хрень дважды». Мягко скрипнуло кресло, кофе в чашке – пряный, густой.

Из-за стены полились голоса. Простуженные, хриплые голоса в такт старой песни:

«To the shores of Magadan-bay»

Один из голосов – глубокий, надтреснутый, звучный явно привыкший к команде. Черного Абима, явно. А слова путает. «Ему то откуда знать каторжный мотив? – подумала Эмми. Расслабленно, без интереса, – без разницы. От отца или деда. Тут у всех каторжники в роду». Кресло качало ее мягко, кружка дрожала в руках. На эмалевом боку тусклым червонным золотом горела знакомая молния.

«Плевать», – лениво думала Эмми, глядя, как тают в ночи рыжие огни и графитовые, черные скалы.

Дверь раскрылась – мягко, с тихим предварительным стуком. На пороге – матрос, тот самый, с перечеркнутой молнией. Поклонился – вежливо – и тихо сказал:

– Госпожа, вас вызывают. Шеф.

Эмми вздрогнула, разом подобралась, оправила ворот, провела ладонью по волосам. Огляделась украдкой, ища зеркало. Нету, а жаль. Матрос протянул планшет. Слава богу, обычный планшет, вместо дурацкой голографической бусины. Можно помедлить секунду, поглядеть в черный экран – поправить воронье гнездо на голове. Дверь опять хлопнула, матрос исчез. Планшет пискнул и замерцал, включаясь. Мигнула индикатором сеть.

– Тебя можно поздравить, детка?

Знакомое чёрное лицо, мягкое мерцание кожи скулах, высокий лоб, глаза – большие, внимательные, пробирающие душу глаза. Сердце предательски стукнуло, натянулась рубашка на груди. «марку надо держать», – подумала она, потянулась и, вместо ответа, выложила на стол прямой клинок в ножнах. Трофейный десантный нож. Сердито лязгнул металл – корабль качнула, крестовина царапнула стол, проскрежетала сталью о полировку. Дювалье улыбнулся. Лишь. И хлопнул в ладоши.

– Умница, детка. Осталось четыре тысячи девятьсот девяносто девять...

– Шеф, простите, я не поняла...

– Штатная численность десантной бригады – пять тысяч человек плюс тяжелая бронетехника. Осталось еще немного, да?

Эмми невольно потрясла головой. До того это было дико сейчас – вот так, в сочетании с мягкой улыбкой.

– Всех я не перебею...

– Зря стесняешься, детка. Ты моя смерть, а скромностью пусть гордятся те, кому больше нечем гордится.

Помолчал, глядя Эмми прямо в глаза. И добавил:

– Празднуй пока. И не волнуйся, этот мир еще будет нашим...

Глава 3 Эрвин. Семейство

– Да черта с два...

Это ругался Эрвин Штакельберг, волонтер флота – глухо, сквозь сжатые зубы. Далеко, лежа на сырой листве, вытирая рукавом мокрое от рассветной росы ложе винтовки. Длинноствольной пятизарядной винтовки туземного образца, по имени «Лаав Куанджало». Имя это – в три слога, выбито рунами на полировке цевья. Вороненая сталь, белое дерево ложа, изящная черная вязь. В два ряда – колючие изломы засечек. Знаки побед. Мелкие, блестящие радугой капли на дуле – роса. Счастье – влажная планета. Эрвин потянулся, вытер ладонью вороненую сталь, аккуратно пристроил ствол на сук дерева. Проверил прицел.

К Эмми Харт это не относилось. Совсем. И вообще, все это было далеко от нее – тысячи километров на юг и восток от скользящего над холодной водой экраноплана. Над острыми скалами побережья, мимо плоских, покрытых высокими соснами гор, деревень, холмистых предгорий и увенчанных латинскими крестами городов – на южную, заросшую густым влажным лесом равнину. Здесь солнце – палило с неба, пот струился и заливал глаза, высыхая – выступал едкой солью на вороте легкой рубашки. Лес вокруг шумел на тысячи голосов – птицы бились, кричали на ветках вверху, шуршали на ветре густые, мясистые от влаги листья. Серебристые поверху и влажные, зелёные внизу. По ушам хлестнул треск – протяжный, оглушительный треск. Затряслась лохматая крона вдали. Крикнула, взлетая, алая птица. Дерево впереди закачалось и рухнуло, подмяв кроной шипастые, в рост человека, кусты. Взлетели облаком тонкие листья, птица заорала, забила крыльями вдалеке. Другое дерево, рядом, треснуло, переломилось и рухнуло тоже, обдав лежащего на земле Эрвина потоком листьев, щепок и шелухи. Глаз невольно сморгнул – в земле перед ним воткнулась, задрожав, острая белая щепка. Вся в соке, вон как блестит. Зеленая стена леса перед глазами разорвалась, лопнула, сверкнув сизым солнцем на тусклой стали брони. Украшенной алой перечеркнутой молнией.

«Да черта с два» именно ей и предназначалось.

Теперь, на прогалине, он был виден ясно – малый, машин в десять, конвой. Легкий шагающий танк впереди – угловатая бронекабина, на двух тонких железных ногах, похожих на птички. По бокам, как руки, сжатые в кулаки – или короткие крылья – оружейные пилоны, пушка и пулемёт на внешней подвеске. Пилот на глазах Эрвина откинул колпак, высунулся, аккуратно глядя под ноги, на преградившее дорогу бревно. Щелкнул манипулятором – пятипалой железной клешней. Эрвин подтянул бинокль к глазам, посмотрел на машину – толстые плиты брони были наварены встык, грубо и без порядка. Швы закрашены краской, на крыше, поверху – алые ленты и резные морды зверей. Не танк – переделанный на скорую руку портовый погрузчик. Но пушки на подвесках были фабричные, грозные. Полицейские тяжелые лазеры и стомилиметровые безоткатные стволы. Свистнула птица, вверху, в небе, за зеленой листвой – замерцали, налились светом тонкие серебристые полосы. Загудела сирена, пилота на поляне окликнули. От задних машин – привычных для этой планеты трехосных тяжелых грузовиков с косами на радиаторах. Пилот обернулся, впереди загорелся спор – бессмысленно долгий туземный спор. Люди с молниями на лицах говорили – промеж себя, показывая пальцами то на часы, то в высокое небо. Шелестела листва. В уши – вкрадчивый стрекот. Мазнуло холодом по руке. Эрвин отвернулся, глянул влево на миг – перед глазами, встав на хвост, закачалась змея. Тонкая, радужная змея поднялась из травы, внимательно глядя на Эрвина большими черными, без зрачков глазами. Птица кричала и била крыльями в вышине. Эрвин посмотрел и кивнул. Аккуратно, будто ответил. Змея зашипела, птичий клик – в ответ с вышины. Тихо лязгнуло, скользя в ладони, шарик на рукояти затвора. Там, впереди сверкнул лазер, взвыл натужно мотор, танк замер, толкая бревно пятипалой клешней – манипулятором.

В перекрестье медленно вплыла широкая смотровая щель. Птица в вышине каркнула, змея зашипела, палец мягко вдавил на крючок. И на тусклой стали брони вспыхнул ослепительно-рыжим комком след зажигательной фосфорной пули.

Затвор качнулся, тихо лязгнул в ладони – «кляц-кляц», загоня вторую пулю в патронник. Дуло чуть опустилась, лоя в прицел оскаленную красную морду – лик демона на стыке бронепластин. На сизой стали вспыхнула искра, приклад мягко толкнулся в плечо. И – сходу – третья, туда же. Хищная морда разлетелась осколками, от треснувшей стали пополз в небо густой сизый дым. Мотор взвыл – танк дернулся и замер, дрожа и качаясь на покалеченных лапах.

Ноги машины не гнулись – вообще.

«Швы варить надо лучше, – подумал Эрвин, смаргивая с глаз злую, мстительную ярость, – а не демонов куда попало лепить»

Глухо застучал пулемет. Замелькали тени вдальке – солдаты с перечёркнутой молнией на рукавах прыгали прочь из машин, рассыпались, залегали в траве, наугад поливая автоматным огнем кусты и зеленые, дрожащие на ветру ветки. Птица опять прокричала вверх – в третий раз. Мелькнула яркая искра, вспыхнула одна из машин. Закачалась, налилась огнем и лопнула, исчезла в лохматом огненном шаре. Топливная капсула, прямое попадание. Ярко-рыжее пламя прынуло в небо, черный дым закружился столбом. Серебристые инверсионные полосы в небе снизились, сложились в мерцающую, лунную тень. Массивная корма, острый нос – там, вдали, в вышине низкой орбиты плыл G.S. Venus. Его корабельное величество, федеральный межзвездный транспорт. Эрвин, волонтер флота сошел с его борта две недели назад – в отпуск. Две недели, хотя уже кажется, что вечность. Перед выходом усталый офицер взял с волонтера подписку тогда – строгую, под угрозой ареста, высылки и лишения прав.

«Хранить мир и уважать культурные особенности туземного населения»

Второе еще получалось. А вот первое...

Рванул воздух ружейный залп. Еще одна машина полыхнула вдали. Дым плеснул вверх – столбом в блеклое синее небо. Туда, где «Венус» плыл прямо над их головой. Неторопливо, в сияющей короне гало – облаке вторичного газа. Свет мерцал на броне – Эрвин с земли, конечно, деталей видеть не мог, но хотелось верить, что там, наверху, щелкают, фиксируя вспышки и дым камеры дальнего наблюдения.

– Надеюсь, вы там не ослепли...

Прошептал он, аккуратно отводя глаза вниз, назад на землю. Змея зашипела в ухо, свилась, ударила о землю хвостом – тонким, звенящим яркой медью чешуек. Эрвин кивнул и пополз по траве назад. Вовремя – там вдали, кто-то встал во весь рост, заорал. Сверкнул кривой нож, пластая на дольки воздух. Чужой лейтенант. Волосы свиты рогами на голове. «Перечеркнутые молнии» завывали в ответ, поднимаясь для контратаки.

Война за «Счастье» началась неделю назад.

Непонятно с кем.

Леса горели, по кустам и зарослям нежной листвы гремели залпы старинных туземных винтовок. Один день горизонт был в дымах – весь. Черных и сизых дымах от горевшего топ-

лива. Поселки, деревни, пункты сбора листьев «тари». Потом очистился – тоже разом. Должно быть, здесь, на юге все, что могло гореть – уже сгорело. У Эрвина на глазах. И армия – настоящая армия лесных дикарей – шла теперь по джунглям на север, туда, где в ясную погоду можно было видеть неяркий блеск золотых крестов на шпилях кафедрального собора Сан-Торрес Ультрастелла.

Две недели назад Эрвина послали туда. Предупредить. Вот только война догнала и – мимоходом, как ненужную вещь – отодвинула незадачливого вестника в сторону.

Родной корабль висит над головой. Огромный, все видящий и молчаливый.

В траве – шипенье и чуть слышный гремучий треск. Поле засады осталось уже позади, машины и люди скрылись за лесной зеленой завесой. Стала тихо, лишь перламутровая змея гремела, вставши на хвост – опять. И смотрела на Эрвина снизу вверх большими глазами.

– Извини, – на полном серьезе сказал он ей, прямо в эти глаза. Протянул ствол винтовки с плеча. Змея скользнула на сталь, свернувшись в клубок вокруг мушки. Белоголовая, похожая на орлана, птица парила, хлопала крыльями в вышине. Остальные бойцы ждали его впереди. Матрос ДаКоста, туземный «комманданте» Яго и его жена. А идти с полчаса, ног у змей нет и бросить подданную королевы в лесу, под сапоги бегущей сзади погони было сейчас не по-человечески.

Сказать кому...

Хотя, все, кому это можно сказать – знали и так. У змей здесь есть королева, у птиц – тоже, с недавних пор. Точнее, «говорящая с птицами», если переводить Ирнин титул дословно с туземного языка. Дела. И они обе как раз варят обед – сейчас, пока их мужчины ходят по лесам, выводя под камеры «Венуса» ломящую к северу армию «перечеркнутой молнии».

Дела.

Орлан хлопал крыльями в воздухе, перелетая с ветки на ветку. Косился, мотал головой, показывая дорогу. Змея на мушке винтовки тихо шипела, качаясь и иногда поднимая на птицу глаза.

– Тихо мне, – прошипел Эрвин им. Обоим. Змеи и птицы заключили мирный договор у него на глазах, держали рамки, но шипели еще друг на друга всю – громко, по старой памяти. Это было привычно, не страшно, и, отчасти поэтому, дико вдвойне.

«Сказать кому – не поверят, – угрюмо проговорил он, глядя, как чистит перья белоголовый орлан, – магия».

Захрустели ветки. Завеса кустов разорвалась впереди. Эрвин обернулся было – недоумевая. По расчетам, погоня уже должна быть уже далеко, если вообще смогла пройти мимо защитной завесы из питона и пары гремучих змей повышенной – королева расстаралась – ядовитости. Орлан каркнул, повертел головой. Будто сказать хотел: вот, мол, дикие люди.

Ирина Строгова шагнула навстречу ему. Тихо – лихо стучащие каблочки на ногах давно сменились на туземные, мягкие, расшитые бисером мокасины. Расшитая туземная куртка на плечах, трепещут на легком ветру бахромы и яркие, пестрые ленты. Лишь черная, смоляная коса – по старому, закинута через плечо.

Орлан хрипло каркнул, взлетел. Змея зашипела, развернулась и упала в траву – скользнула, пестрой лентой вперед – искать свою королеву. Ирина кивнула ей:

– Эви – там, – на полном серьезе сказала она, показав тонким пальцем за спину. Змея кивнула, серьезно, будто все поняла. И исчезла в траве. Орлан сел Ирине на плечо. Та улыбнулась. Тихо так. Сказала лишь: Мой хороший...

«Магия», – сказал Эрвин самому себе, глядя, как Ира кормит с руки белоголовую хищную птицу.

И не подозревая, что цитирует черного Абима сейчас. Дословно. Впрочем, Абим спал сейчас в салоне экраноплана в обнимку с лунным ножом – тихо, тяжелым сном и знать не знал о нарушении копирайта.

– Привет, – улыбнулся ей Эрвин невольно, – просил же не ходить одной по лесу.

Орлан смерил его тяжелым взглядом из-под белых бровей. С ветвей свистнули наперебой алые и зеленые птицы. Недовольный, рассерженный даже тон. Обижаешь, мол, гражданин начальник. Наша, мол, королева, мы ее и бдим. Змея зашипела, Ирина тоже улыбнулась – в ответ, ласково:

– Все хорошо. Яго и его люди уже пришли, другой дорогой. Это ты опоздал. Как прошло?

– Две машины и танк. Точно под камеры. На рации что?

– В Сан-Торресе пустили трамвайную ветку. От рынка до квартала святой Натали. Извини, это мы их радиопередачу поймали. А на федеральных каналах тихо. Тихо, пока... – а в глазах Ирины обида и легкое недоумение. Как же, мол, так. Это был ее план. Тормозить чужие машины, подставляя армию вторжения под камеры Венуса. По идее все правильно – вот серый, мерцающий экранами стен куб наблюдательного пункта, вот пульт посередине, вот, за пультом – полусонный сержант. Кто там сейчас? Толстяк Болтон из второй смены или вечно помятый, красноглазый Финч из третьей? Сонные, небось, все. Только это неважно: камеры поймают беспорядок внизу, сирена взвывает, оторвав дежурного от бутерброда с колбасой или стопки затертых, сальных журналов. Запищат телефоны, пойдет информация по палубам и этажам. От усталого дежурного рапорта: «Хрень какая-то тут, внизу». Через офицерские, строгие «разобраться и доложить по форме» – на самый верх. А там устав, инструкции и простой здравый смысл потребуют от корабельных вмешаться. Их ведь планета, как – никак. Стратегическая. Только в рациях – тишина. Где-то застряло на полушаге, между «разобраться» и «доложить». Эрвин устало пожал плечами.

– Отпуск же... На постах половинная смена и те, небось, хорошо перепилась. Проснутся рано или поздно.

Другого плана у них все равно не было. Прорваться к городам на севере не удалось, наступающая орда ломилась, походя отжимая и отжимая их группу в леса к востоку. Глухой рык плыл в небе над головой. Слишком далеко, тихо, не страшно – там, вдалеке, бил хвостом невидимый за ветками хищник. Орлан хлопнул крыльями, взлетел – тяжело, разгоняя пернатую яркую мелочь. Защекотал ноздри запах – аромат дыма и булькающего над огнем котелка.

– Ладно, пошли. У девчонок обед уже, наверное, сварился.

Хрустнули ветки, вначале легонько, потом тяжело – Эрвин шагнул за Ириной вперед, на поляну их лагеря. Там и впрямь дымился очаг. Беловолосая туземка – высокая, статная, на зеркальных скулах горит руна «огонь» – выпрямилась, помахала рукой. Приветливо так. Кожу выше ботинок обожгло холодом. Змея мимоходом задела, скользнув у Эрвина между ног. Развернулась, встала на хвост, загремела – радостно, приветствуя королеву. Орлан укоризненно каркнул ей в след.

«Магия», – подумал Эрвин опять, глядя, Ирина и Эви разговаривают друг с другом. Легко, тихо, речь – как журчание, блестящий на солнце поток родника. Туземная речь, звонкая и переливчатая. У Ирины из горла – легко, будто здесь родилась, а не прилетела вместе с Эрвином на месяц в отпуск. Сам Эрвин без переводчика понять туземцев не мог, хотя даже пытался.

На поляне – дым колесом. Аккуратная, неспешная, деловая возня. Их сводная группа собиралась с рейда. Сводная, разная, но сжатая событиями в одно – Эрвин, Ирина и чернявый Пабло ДаКоста, матрос первой статьи – отпускники с корабля. Станислав Лаудон, учитель латинского языка – просто встретили по дороге. Старый Яго, истребитель чудовищ, его «коммандо» и Эви, королева змей – это он подбил на поляне грузовики, залив огнем синее, безбрежное небо. Сурово, но – на бамперах чернели кое-как замазанные христианские кресты. Трофей первого дня войны. Друга Яго «перечеркнутые» убили тогда, в Фидлите. У него на глазах, и спускать это за-так старый охотник не собирался.

И – последнее из того, что сейчас попало Эрвину на глаза, но далеко не последнее по значимости:

Миа, дочь туманного леса. И беха, то есть списанный на гражданку БТР тип 82, старой десантной модели.

Этих двоих Эрвин не заметил сперва – восьмиколесная стальная машина спряталась от его глаз за вековым, в три обхвата стволом местного дерева. Услышал тяжелый железный лязг, шагнул в сторону и слегка обомлел. Было с чего.

Миа кормила бэху.

Стальную машину – с руки, как Ирина – птиц на поляне.

То есть не кормила, конечно – невысокая, тонкорукая и статная туземка сейчас осуществляла то, что в уставе походной службы косноязычно обозвано «процедурой заправки и первичного обслуживания боевой техники».

То есть выдвинула из-под днища машины револьверный станок и – медленно, неторопливо, загоняла в него по одной тяжелые топливные капсулы сверхвысокого давления. Движения тонких рук точны и плавны, даже торжественны. Гнезда проворачивались с тихим стуком, довольно урчал электромотор. Шурились на железном заправке стволы – два тяжелых ствола зенитного, спаренного пулемета. Трепетали на бампере пестрые ленты, трепетали темные волосы на ветру, Миа улыбалась, провожая ласковым словом каждую капсулу. «Ложечка за маму, ложечка за папу»...

Улыбка на лице пляшет – будто и впрямь похоже на то...

Капсулы были для женских рук тяжелы, но предлагать помощь Эрвин не стал. Не решился. Знал по опыту – дочь туманного леса тут же его пришибет. То есть вначале удивится, потом пришибет. Дикая люди на звездах, мол, живут, простых вещей не понимают.

На лице у Мии – татуированный соком «тари» ромб. Волонтерский знак, такой же, как у Эрвина на шевроне. И у бехи на избитой броне – он же, белой краской, в обрамлении резных оберегов и ярких, шелковых лент.

Миа поднялась, увидела Эрвина и улыбнулась.

– Удачна ли охота? – спросила она, на певучем туземном наречии. Последнее слово – звонкое, звенящее весенней капелью. Туземное Шай, то есть муж. Эрвин как слышал – все поминал про себя матом устав, инструкции и не вовремя заглочивший переводчик. Культурные особенности, мать их разтак. Те самые, что уважать, в соответствии с уставом, положено. Одно радует – язык у туземцев очень певучий, плавный, за длинным словом – россыпь звенящих, непонятных машине рулад. Где то там, возможно, пряталась уточнение «бывший». А, возможно, и нет. Эрвин пожал плечами, ответил коротко:

– Да.

– Хорошо, – кивнула она. Улыбнулась. Жалеть не стала – «Перечеркнутые молнии» чуть не загнали ее на плантации тари. Повезло. Спасибо случайной встрече, Эрвину и тяжелой броне десантного БТР-а... На которой, кстати, красуется все тот же ромб.

– Эрвин, есть иди... – окликнули его. Ирина улыбнулась ласково от костра... Потом поймала взгляд Мии, подмигнула ей и добавила. Эрвину, то же слово, звенящее бубенцами в мороз. Только огласовки в конце слогов другие. Чуть – чуть... Отчетливей, прямее и суше. Знать бы еще, что они значат, такие звонкие...

И Эрвин пошел, поминая про себя матом культурные особенности туземного населения. Все, какие есть. Ирина дала ему в руки дымящийся походный котелок – торжественно, и так же плавно.

«Как Миа – бэхе, недавно, – подумал Эрвин, церемонно благодаря, – с ума тут посьехали все с культурными, мать их, особенностями».

После туземных, зеркальных, мерцающих лиц – земной загар Ирины выглядит глубоким и черным. У нее тоже вязь по щекам. И на высоком лбу, под смоляной челкой – такой же волонтерский ромб. Хоть и странно для нее, всегда такой собранной, деловой и изящной.

Культурные особенности, мать их разтак.

Случайно же вышло.

Впрочем, зачем себе врать – только почти.

Глава 4 Пабло. Состав семьи

Уже третий день Пабло ДаКоста пытался напиться. Не получалось. «Даже странно», – удивлялся бравый матрос. Над головой, по сини неба плыл стальной серый клин. GS VENUS парил в вышине, в рамке из влажных зеленых веток. Покачивался, словно еще ждал обратно Пабло ДаКосту, своего матроса первой статьи пятой боевой части. Но, еще подождет, а мы пока... И вообще, Пабло ДаКоста пока еще в отпуске. Только выпить здесь нечего, жаль. Обычно такие идеи Пабло реализовывал мгновенно. Но сейчас – сейчас, во первых, вокруг него были не серые переборки родного корабля а зелёные джунгли, затхлые, тихие и шелестящие опасностью на ветру, во-вторых... Над головою качались небо и толстые ветки, сидение под ДаКостой ошутимо трясло, трехсотсильный движок бэхи мерно рычал ему в ухо. Бэха шла – наугад, без дороги, давя ветки и раздвигая кусты тяжелым ножом волнореза. Абы куда, лишь бы подальше от места засады. Над лобовым стеклом впереди – темная фигура. Эрвин на месте стрелка. И он не старшина, стукнет сразу, без сантиментов. Нервный он в последнее время стал, совсем характер испортился. С тех пор, как...

Додумать Пабло опять не успел – бэху мотнуло, колеса чавкнули, глухо лязгнули рычаги. Из-под колес, фонтаном, брызнула жидкая красная грязь. Движок истошно взвыл и затих. Долетел приглушенный ладонью мат – от носа, спереди, с места стрелка. Миа запричитала. ДаКоста обернулся – как раз вовремя, чтобы поймать взглядом сурово сжатые губы и волосы ершиком – уже все в грязи. Эрвин как раз спрыгнул вниз, под замершие колеса машины. Красно-бурая жидкая грязь довольно чавкнула, взлетая в воздух, и принялась с энтузиазмом засасывать флотские сапоги. Шелестели толстые листья, негромко журчала потревоженная вода. Капли звенели и падали с деревьев вниз, разбиваясь. Колеса провернулись, без толку взрыв алую грязь. Эрвин – тоже уже весь алый до пояса – сердито махнул Мие рукой. Движок чихнул и затих под мелодичные, но беспомощные причитания водительницы. Эрвин вырвал сапог, осмотрел ушедшие в грязь по оси колеса, присвистнул, пригрозил опять кулаком – за баранку, Мие, виновато разводящей руками в водительском кресле. Заходящее солнце растекалось блеском по земле, плескало золотым светом с вершины холма. Поток прошел с гор – недавно, оставив на их пути озера вязкой багровой грязи. А ветер припорошил их ковром веток и зеленой листвы – аккуратно, будто ловушку бэхе готовил.

Лязгнул стопор – ДаКоста в два удара ладонью сбил и сбросил вниз заначенное как раз на такой случай бревно. А потом спрыгнул сам. Чавкнула алая грязь, захлюпала в сапогах липкая, теплая жижа – как показалось матросу довольно и с энтузиазмом.

– Дядя Пабло, а вы на черта похожи, – окликнули его спустя полчаса. Веселым, звенящим озорными струйками голосом. Спустя полчаса, когда они с Эрвином уже с грехом пополам затолкали под колеса бэхи бревно, позволив Мие выгнать бтр задним ходом. А потом выгнали и само бревно, загнанное в грязь колесами тяжелой машины. Потом понаблюдали, как бэха пробирается сквозь красно-бурый поток – теперь осторожно, по краю, подняв волнорез и таща на сцепке древний трехосный грузовик со Станиславом за рулем и туземным командо в кузове. Старый Яго так и не повернул головы, сидел неподвижно – даже когда Станислав зевнул и его машина, под брызги и вой разбрасывающих густую жижу колес, опасно накренилась над ямой. Эви тревожно свистнула, помахала рукой, Миа довернула руль бэхи, дернула, добавив газ – и, под разочарованный хлюпанье и потоки брызг, красная грязь выпустила обе машины на волю. Эрвин запрыгнул на борт. ДаКоста – за ним, обтрясая с сапог пласты земли – темной, влажно-бурой и алой. Назад, на свой пост в корме, у ramпы тяжелой десантной машины. Присел, облокотившись о борт и вытянув под солнце намокшие, тяжелые

сапоги. Протер рукава – форменная рубашка на глазах меняла цвет, превращаясь из зеленой с пятнами алой грязи в равномерно-неопределенно-бурое нечто. Пробурчал под нос неизменное: «обсохнет – само отвалится» и махнул рукой. От носа машины летел тихий и вежливый, но довольно оживленный спор. Эрвин изгваздался не меньше него, но, на свою беду, залез на место стрелка, куда ближе к Ирине Строговой. Не вытерев сапоги. И ему сейчас за это выговаривали. Вежливо, но с пальцем, угрожающе поднятым вверх. Строго, под стать фамилии. Закатное солнце играло на пере в ее волосах, пуская в глаза игривые зайчики перламутра. Птица кричала вдали. А карие глаза сурово стянуты в нитку. Хорошо, что она далеко, почти у руля, а в середине машина плотно завалена всякими нужными ящиками. Не видно, если что. Миа чуть приглушила мотор, украдкой смахнула грязь, всунула Эрвину в руки термос с дымящимся чаем. Тот кивнул. Солнце сверкнуло, подсветив алым пятном земли на волосах. ДаКоста аккуратно спрятал за ящик грязные сапоги и подумал, что хорошо бы это дело запить. Сейчас. Во флотскую норму, душевно, как после работы водится. Благо Ирина занята, солнце еще светит на небе, и фляжка сорокоградусной спрятана загодя в надежное место, а место это совсем даже недалеко. И тут его дернули за рукав. И окликнули – голосом веселым, звенящим по туземному: ручейком на камнях.

– Дядя Пабло, а вы на черта похожи...

Голосок тонкий, звенящий и, на туземный манер, мелодичный до ужаса. ДаКоста повернул голову. Быстро, пока за волосы дергать не начали. Мелкая Маар. Шустрая, смешная и невероятно любопытная туземная особа восьми – на матросский взгляд – лет. ДаКоста уже рассказывал ей, и не раз, что звездные едят детей. Жаль, но мелкая ему почему-то не верила.

– Дядя Пабло, а вы на черта похожи...

– Бу, – ДаКоста честно сделал в ответ страшную рожу: вытаращил глаза, и скривил рот в то, что по идее должно было быть зверским оскалом. Хорошая попытка, но не сработало. Или сработало наоборот: Маар засмеялась и пошла дергать ДаКосту за рукав с утроенной силой.

– Дядя Пабло, нарисуй дракона...

Листов в блокноте осталось мало, и те Пабло пытался беречь. С переменным успехом – когда надо Маар могла дать фору иным флотским интендантам – по настойчивости. Но попробовать надо:

– Щас... Домашку сделала? Сейчас «Венус» зайдет, остановимся – тетя Ира проверять будет.

Вместо ответа – старательно показанный язык и искренняя, на вид, обида:

– Сделала. Усе.

ДаКоста лениво усмехнулся:

– Покажь...

– Вот еще. Сказала же уже... И вообще – нарисуешь дракона, тогда покажу.

За лесом взревел натуральный дракон. Глухо, раскатисто, как грузовой флайер на взлете. Затряслись, попадали с веток на головы листья – дружно, будто сама земля затряслась. Дракон, Сотрясатель точнее – этих гигантских двулапых зверей тут иногда так называли. Далеко и не страшно – Маар даже не повернула головы. Чистые листы в блокноте, вроде, еще оставались.

– Что Ирина задавала-то?

– Состав семьи расписать. На двух языках. Только... Дядя Пабло, на нашем я сделала, а на звездном не смогла. У вас таких слов и нету...

– А словарь? – Пабло старательно изобразил удивление. Планшетку со словарем Ирина мелкой туземке уже показывала. Только ненадолго – мудреные защиты от дурака с трудом держали натиск туземного любопытства.

Но Маар изобразила обиду всерьез:

– Вот, гляди...

Тут Пабло сунули под нос тетрадь. С аккуратно (рукой Ирины) расчерченными полями и совсем неаккуратными, но буйными, завивающимися во все стороны строчками. Дикая смесь – кляксы, рисунки, земные слова тянутся слева направо, вперемежку с туземными рунами – те шли сверху вниз, сплетаясь с буквами на манер сканворда. Сверху – аккуратно подчеркнутое: «Домашняя работа». Снизу – все вперемежку и вразной. Вверху листа Эрвин: рисунком, неумело в пару штрихов. В шляпе, глаза большие, упрямые. И удивленные донельзя. А вокруг куча игривых стрелочек. Шарж получился смешной, Пабло хмыкнул и показал Маар большой палец. Посмотрел ниже. Увидел свое имя, хмыкнул было опять. А потом желанье хмыкать отпало.

– О черт, – тихо подумал он. Понимая, что очень хочет выпить. Вот прямо сейчас. Свернуть голову пробке, запрокинуть к небу подбородок, приложить холодное стекло к губам. Сделать глоток. Душевно, до огня в глотке и ватного кружения в мозгу. Может, память прочистится. На листе, рядом с его именем – уж больно знакомый иероглиф. Туземная руна «Хай». Или, по земному – «женатый».

– Это что? – спросил он, гадая, куда делась память, и когда он успел пропить такое событие.

Мелкая вздернула нос:

– Так правда же.

От руны – линия, тянется наискось, упираясь в знакомое туземное имя. От сердца чуть отлегло. «Мелкая тататорка» или «болтушка», всего лишь. Укороченный дробовик флотского образца. Его, Пабло ДаКосты личное оружие. Буйное туземное воображение мало того, что присвоило изделию заводов «Итака мануфактори» имя и женский род, так еще и мужа подобрала соответствующего. По руке, чтоб удобно в ладони лежала. Культурные особенности, пута их мать... Впрочем, у местных в языке просто нет среднего рода. Везущей их бэхе, к примеру, тоже не повезло. У той на лобовом и антенне, рядами – гирлянды шевронов, белых и желтых праздничных лент. На рисунке Маар витой зигзаг соединял БТР-82 с веселой туземной Мией. Руна «шай» в окружении точек – уточняющих слогов. Все вместе: «Младший любимый муж». Судя по довольному урчанию дизеля – еще как любимый.

– И как, Дядя Пабло это все переводить?

ДаКоста лишь плечами пожал. Вернул лист:

– Никак, у нас таких слов и впрямь, нету...

– Ой, бедные. И как вы там, на звездах, живете?

Пабло аж усмехнулся. Действительно, как? Как только Эрвин раньше жил без старшей любимой жены с правом выноса мозга? Иринин туземный титул, если что. Или похож – у Пабло болели глаза, разбирать все туземные завитушки. Но логично – мозг Ирина и без титулов вынесет, а так хоть порядок есть. Мозг, в конце концов, у Эрвина один, а жен на схеме у него теперь много. Недаром у рожки на шарже настолько удивленный вид. «Слишком», – буркнул ДаКоста под нос и невольно скосился – за спину Маар, в глубину кузова. Миа – впереди, за рулем, ведет машину, тихо напевая вполголоса. Эрвин почти над нею, за пулемётом, в кресле стрелка. Ирина – тоже рядом. Один он, ДаКоста, изображает наблюдателя у рампы, на самой корме, подсакивая всякий раз, когда тяжелую машину трясло и бросало на ямах. А между ними – посредине бывшего десантного отсека бтр-а валялись сложенные в штабеля тюки и ящики со снаряжением. Аккуратно, в два ряда, застелены брезентом и закреплены. И спальник – наброшен сверху. Подоткнут, лишь сквозь клапан бьется черная прядь. И вздымается иногда – нечасто, в ровный ритм человеческого дыхания.

– Как она? – ДаКоста аккуратно кивнул, показывая на спящую под покрывалом девушку.

– Лианна? Да пока спит, – отозвалась Маар с всем веселым равнодушием молодости, – ей мама Ира что-то вколола. Говорит – до вечера. Стресс, говорит, только я не поняла. Расскажите, дядя Пабло, это магия?

– Нет, ругательство.

Дядя Пабло лишь устало махнул рукой. Лианна в последнее время – после Фиделиты, если быть точным – была совсем плоха. Не физически – анализатор из флотской стандартной аптечки в ее сторону упорно мигал зеленым. Но психически – с головой у девушки было что-то явно не то... Она вдруг начинала говорить невпопад, застывала на ровном месте и смотря в никуда большими, невидящими глазами. Так, что ДаКосте временами приходилось волочь ее на себе. Не то, чтобы он сильно против этого возражал... Даже наоборот, сильно не возражал – так удобно лежала в руках ее точеная, теплая в ладонях фигурка. Так приятно пьянил, кружил голову цветочный дух от волос. И так доверчиво бились в ладонь теплые, острые жилки пульса. Но не в боевой обстановке же, когда бэха на взводе, Эрвин кричит матерно из-за пулемёта, а с синего неба на них пикирует флайер с перечеркнутой молнией. Это было вчера.

А сегодня утром произошло вообще непонятное. Завтракать к общей поляне, где кашеварили Миа с Ириной и юлой вилась рядом мелкая Маар, Лианна не пошла, хоть и звали. Услышала, увидела приглашающий взмах рукой – но скользнула в сторону, затаилась за разлапистыми зелёными ветками. ДаКоста это заметил, прочим было не до того. Эрвин и Яго обсуждали предстоящий дневной марш. Деловито, обстоятельно, разложив карту прямо на зеленой траве. Судя по размаху пальцев – им предстоял долгий марш. Очень и очень долгий.

«Когда еще подвернется возможность нормально поесть», – подумал враз заскучавший ДаКоста, подхватил с земли пару плошек и пошел. Мимо, не слыша окриков, к кустам, где укрылась Лианна. Нашел почти сразу – она так и сидела, подвернув ноги и прислонившись спиной к толстому, увитому зелёным мохом стволу. Неподвижно, утренний ветерок, играясь, спутал ей чёрные волосы – смешал с листвой, раскидал, укутал пеленой по плечам. По зеркальной коже, отблеском – прятая зелень листвы. А карие, большие глаза неподвижно глядели в синее небо.

– Эй, это я. Жратву принес. Надо, – окликнул ее ДаКоста тогда, боясь, что опять не услышит. Уж больно тоскливый был взгляд. Мимо его плеча, вверх в высокое небо. Но нет – встряхнулась, свела глаза, улыбнулась даже – мягкой зеленью мигнуло в уголках глаз рассветное солнце. Сказала: «конечно». И голос нормальный был. Вроде. Звенящий ручейком в листве

голосок. От сердца немного, но отлегло. Зря. Все было хорошо, пока ДаКоста не сунул ей в ручки судок и ложку.

«Ложка, как ложка, нормальная вроде» – все думал оторопело ДаКоста. Потом уже. Деревянная, гладкая, с изящной резьбой по ручке. Дева, ведущая коня в поводу. Герб Фиделиты, ДаКоста подобрал ее на развалинах, в самом начале войны. Лианна машинально взяла. Даже сказала: «спасибо», посмотрев ДаКосте в глаза. ДаКоста еще мельком подумал, что сегодня хороший день. Как раз в тот момент, когда Лианна перевела взгляд вниз, на ладонь. И тут ложка, обиженно звякнув, улетела в траву. А ее вдруг затрясло – мелко, страшной ДаКосте, бешеной дрожью. Глаза распахнулись, руки охватили плечи, сошлись в замок на груди. Беззвучно... губы запечатало судорогой, стянуло в тонкую белую нить. И от глаз потекла темнота. По зеркальной, мерцающей колдовскими искрами туземной коже, волной от век – туманная серая хмарь, на глазах наливающаяся чернотой ночи.

ДаКоста не помнил, как закричал тогда. Или не закричал. Просто – под ухом затрещали ветки, забухали сапоги. Кто-то крикнул сзади «держи». Голос дрожит, щербится как треснутый колокол. ДаКоста прыгнул вперед, потянулся, ухватил Лианну за плечи. Но удержать... Удержать Лианну оказалось дико и страшно непросто. Будто змею или пожарный шланг под давлением. Бешеным, готовым взорваться. Лианна отбивалась – невидяще, слепо, как бешеная. Будто ее и впрямь укусила змея. ДаКоста держал, но с трудом. Эрвин помог, а потом подбежала Ирина с аптечкой. Щелкнул иньектор, зашипел, забулькал в склянке раствор. Лианна обмякла. Вдруг, будто из шарика выпустили воздух. Растаяла, стекла с кожи серая мгла. ДаКоста пошатнулся, растер ладонью скулу. Полосами по пальцам – алый кровоподтек. Своя или... Сердце глухо ухнуло, раз и другой. Спящая дышала ровно, кожа переливается, мерцает по-прежнему. Отлегло. Своя, значит, кровь на ладони. Но с тех пор Лианна не просыпалась.

– И что теперь с этим делать? – угрюмо думал ДаКоста, глядя, как шевелит клапан мешка ровное дыхание. Слава Гваделупской деве и ее розам – такое же ровное. Спит...

– Дядя Пабло, нарисуй дракона, – это мелкая Маар. Заметила, что дядя Пабло заскучал, и ловким тычком в плечо вернула к действительности.

Благо натура есть – бэха как раз проезжала долину. Узкий, весь в золотистом туманом провал между крутыми, одетыми шелестящим лесом холмами. Вдали, неясно – приземистая чёрная тень. Алый закат горел ореолом, языком пламени вокруг треугольной башки. Когтями по позвоночнику – вибрирующий, низкий рев. Сотрясатель угрюмо ворчал, бодая лбом стальные ежи заграждения.

Эрвин развернул пулемёт. ДаКоста достал карандаш, чистый лист и пошел малевать под сосредоточенное сопение под ухом – мелкой Маар, скрип деревьев, двутавровых балок – ежей, и злое рычание невольной «натуры».

«Венус» заходил – как луна на земле, в короне ярких солнечных бликов. Эрвин махнул Мие – на поворот. Скоро привал. Готовый рисунок торжественно вручили мелкой. Вместе с огрызками карандашей – желтого и синего. Раскрашивай, мол... Маар улетела прочь. Сотрясатель внизу повернул голову, взревел ей вслед – должно быть почуял, что сейчас сделают с его портретом. Вообще-то зверь он коричневый был. Коричнево – песочная, бородавчатая шкура, алая пасть, клыки – желтые, изогнутые... ну и Санта-Муэрте с ним, карандаши у Дакоты почти закончились.

Беха качнулась, уходя в поворот. Упал полумрак: влажно-зеленый, шелестящий на ветру полумрак горного леса. Карандаш в руках плясал, выводя на листе что-то совсем несуразное. Хотел себя, любимого с «тараторкой» в руках. А что, учитывая разговор с Маар и приписанную им туземцами близость... Вот только мозги отвлеклись и руки машинально пошли рисовать совсем другое. У этого «другого» были большие и испуганные глаза, острая, призывно торчащая грудь, вздернутый нос, и волосы – черные, вились, ложились волной на плечи.

Машину качнуло. Под ухом – сердитый, рассерженный фырк. ДаКоста поднял глаза – и увидел тот самый вздернутый нос и глаза. Такие же большие... Только сейчас они были злые и заспанные. Лианна проснулась. Смерила его взглядом, фыркнула обиженным ежиком и отвернулась, охватив плечи руками.

Проснулась – это хорошо,

Только почему то опять захотелось пить.

– Неудачный день.

Буркнул ДаКоста под нос, сложил блокнот. И потянулся – в угол, за ящики, вниз, там, где в щели пряталась заветная фляга. Раньше на ней сидела Маар...

А теперь шипенье полоснуло по ушам и пальцы замерли в воздухе, не дотянувшись пары сантиметров до заветного горлышка.

Змея.

Небольшая змея подняла голову и зашипела. От горлышка фляги – ДаКосте в лицо. Изумрудно-зеленая змея. Туземный грузовик прошел мимо, Эви помахала рукой. Змей встал на хвост, зашипел, приветствуя королеву. Мелькнул раздвоенный язык меж клыков – близко, едва не коснувшись пальцев

«О, черт, – подумал ДаКоста, осторожно пряча руку назад, – Прямо планета чудес. Если тут по будням такое – что же в день мертвых творится?»

Глава 5 Эрвин. Золотые зубы

Бэха шла и шла, углубляясь все глубже в горы. Еще не горы, пока – холмы, крутые, высокие, заросшие сплошь шелестящим на ветру, колючим листовым лесом. Клейкие зеленые иголки, мшистые, изогнутые к солнцу стволы. Машины ревели, шли тяжело. Бэха впереди, раздвигая заросли впереди тупым ножом волнореза. Под колесами – папоротник, хрящеватые ломкие стебли, широкие листья – над землей, ковром или растянутой маскировочной сетью. Когда нос бэхи сбивал очередной такой ствол – по ушам бил хлопок, резко, как выстрел. Споры взлетали, кружились белой поземкой вокруг колес. За кормою упругие листья смыкались, затягивая колеи. Тяжелый нос машины клевал вниз иногда, под колесами хлопало, сквозь зелень взлетала багровая и алая грязь – потоком, брызгами от волнореза. Взлетала, хлопала, ложилась пластом на броню, руки и лица. Недавно прошли дожди, размыв и забив грязью ложа ручьев и ложбины поперек колесного хода – глубокие и крутые как противотанковые рвы. И укрытые сверху зеленым ковром веток и папоротника. Тогда им с ДаКостой приходилось прыгать, стелить бревнами торный путь. Грязь красила руки и лица, ложилась пластинами на сапоги. Стена деревьев раздавалась в стороны иногда – редко, когда машины, глухо ревя моторами, взбирались на очередной покатый холм. Тогда на севере вспыхивали – неясно, в дымке закатного марева – плоские горы, льдисто-белые пики и золотые кресты. На шпильях Сан-Торрес де Ультрастелла.

Цель пути.

Грузовик Станислава сзади застывал на миг, перекачиваясь колесами на нейтралке. Старый Яго вставал на ноги в кузове, крестился на золотые искры вдали. На восточный манер, щепотью, четко. Алый отблеск заката тек волной по лицу. Зеркальному туземному лицу, изрытому сеткой морщин, крестов и ритуальных татуировок. Эрвин угрюмо молчал.

Ругаться без толку, да и...

Между ними и городом, снизу, там где кончался лес тянулась глухая, будто дымящаяся полоса. Великий тракт, исполинское, от горизонта до горизонта – серой пыльной стеной – звериное кочевье. В рамке стальных надолбов – ежей.

Затопчут ведь, не заметят.

Теперь что торопись, что нет, а война все равно успеет в Сан-Торрес раньше. И грязь на руках и скатах машины – алая, как кровь. Такая уж тут, на «Счастье» земля, укрытая ковром зеленого, душистого леса.

Моторы застыли – на миг. Гребень очередного холма, Миа бросила руль, давая роздых тяжелой машине. В уши – шелест и далекий, приглушенный ветками звериный рев. Эрвин оглядел небо – чисто, без черных точек и белых инверсионных следов. Погони нет, флайеры с перечеркнутой молнией их потеряли. Только небо – синяя выцветшая пелена. Встал с места, решил, перепрыгнул с машины на машину. Звери ревели вдали – приглушенный расстоянием рык, вибрирующий и низкий. Над головой ветки дрожали в такт, шелестя и роняя дождевые капли на землю. Глухо бухнула жесь под ногой. Старый Яго не пошевелился – сидел, поджав ноги, на крыше грузовика, смотрел – в никуда, как Эрвину сперва показалось.

– А они ведь бессмертны, парень, – проговорил он вдруг. Эрвин сперва не понял, переспросил:

– Кто? – спокойный тон чужих слов было странен до дрожи.

Яго показал пальцем. Молча. Слева, как в рамке – меж двух зеленых ветвей – узкая, уходящая круто вниз долина. Черная речка, звенящая, быстрая, отливающая на камнях серебром. Дальний край в дымке – там, крестами в закатном огне, тенями гигантов выселись двутавровые стальные ежи. Опять по ушам хлестнул рев, задрожали над головой клейкие зеленые ветки. Иголка уколола глаз. Упавшая сверху мягкая сосновая иголка. За ежами топтался зверь – двулапый, черный с лягушачьей тупой башкой. Местный дракон. Гигант переступил лапами. Чуть дрогнула – отдавшись звоном в рессорах – земля. Туземцы звали зверя без выдумки – Сотрясатель.

– Они бессмертны, парень, я говорил уже, да? – улыбнулся Яго, показывая на гиганта пальцем, – какой-то сбой, как ваши умники говорят – генетический. Бродят без толку, жрут, что ни попадя и растут. Раньше большими вырастали – такими, что земля держать не могла. Я уже не застал, только кости видел. Лежат в распадах – громадные. А это так, мелюзга..

– Ничего себе мелюзга...

Яго на миг отвернулся, глянул на Эрвина – поймал глазами удивленный взгляд, улыбнулся. На щеке старика татуировка: котенок моет лапки в сетке морщин. А улыбка мягкая, как несмышленишу:

– Сейчас еды ему мало, а людей вокруг стало много. Тварь ходит, глядит, думает – вкусные. Плохо думает, неправильно. И не успевает вырастать.

Отвернулся, погладил ладонью ложе винтовки. Крючковатыми пальцами – по белому, в насечках, цевью и решетке пламегасителя. Зверь опять рывкнул вдали, подняв в небо тупую треугольную голову. Эрвин поежился. На миг, остро. Яго ведь – воин «спокойной земли» и это благодаря ему сейчас твари больше не вырастают.

«А ведь старик может и уйти, – пробежала вдруг мысль. По заливку – острыми коготками, – Старый Яго сейчас тупо обязан свистнуть „комmando“ и пойти бить дракона, оставив их без проводника. Здесь, в чаще, среди звериного „нигде“. И будет ведь в своем праве. Это его работа, в конце – концов...»

Но Яго поймал его взгляд и опять улыбнулся:

– Не волнуйся. Этот мал еще.

Зверь бесился вдали, рычал, грызя и бодая лбом сваренные ежом стальные двутавровые балки. Каркнула птица сверху. Их с Ириной старый знакомый, белоголовый орлан. На земного тезку он походил вредным характером, снежно-белым хохлом на голове и размахом крыльев. В остальном шли сплошные различия, включая зубастый клюв и фактуру перьев, но – Эрвин местную зоологию не учил, именовал птиц со зверями как бог на душу положит. Орлан сложил крылья, упал с неба вниз – на нос бэхи, стремительно, камнем. Лязгнул, устраиваясь, кривыми когтями по волнорезу, хлопнул крыльями, заклекотал задрав голову – пронзительно, резко. Ирина сзади вскочила, протянула руки, погладила птицу по голове. Зверь опять рывкнул вдали, замер, вода в воздухе большой головой. Развернулся и, в два лягушачьих прыжка, скрылся в закатном тумане.

– Этот мал еще, – усмехнулся вслед Яго. Он не оборачивался, не видел орлана. Просто продолжал мысль: – пусть поживет. Жить надо всем, и мне и тебе и ему, не удивляйся, тоже. Для того отцы из Сан-Торреса видишь, поставили ежи? Заповедник, как они говорят. Когда зверь вырастет – тогда я его и встречу. А маленьких бить чести нет – череп на свадьбу не подарить, жена обидится.

Эрвин поднес бинокль к глазам. Встроенный дальномер, по стеклу россыпью – цифры мерцающие зеленым огнем подсветки. Стальные ежи, если им верить – в высоту пять метров, почти что дом. А сотрясатель был выше на полголовы. Маленький, да. Дела.

Яго засмеялся вдруг:

– Вот когда сможет их перепрыгнуть...

Орлан за их спиной замотал головой, заклекотал – хрипло, кося на людей бусиной – красным, налитым глазом. Ударил крыльями еще раз. Ирина сзади – охнула, прошептала вдруг «больно». Эрвин обернулся – увидел, как бледнеет и разливается синевой ее лицо. Вскочил – разом, забыв про Яго – назад, на бэу. Опять каркнув, отшатнулся, лязгнув когтями по стали орлан – Эрвин в прыжке чуть не задел белый хохолок сапогами. Было не до того. Поймать Ирину за руку – та дрожала, мелко, будто под током. Придержать, посадить в кресло.

– Что? – начал он. Не успел. Ирина встряхнулась вдруг, собралась, сгоняя с лица бледное марево.

– Эрвин, беда впереди.

Эрвин потянулся, прощупать ей лоб. Не успел, она не дала, отстранила рукой его руку. Нахмурилась, сказала – твердо уже:

– Не со мной. Это чужое, прости. Издержки способностей.

Эрвин кивнул – мол, понятно. По ладони Иры – виньеткой – след от птичьего клюва, черный змеящийся шрам, след от птичьего укуса. Давно еще, в самом начале пути. С тех пор они и служат ей. Или она им, Эрвин не до конца понял. Просто, привык. А Ирина тряхнула челкой, продолжила. Твердо:

– Эрвин, беда впереди, птицы ее видят, я чувствую. Это сильно, прости... Орлан клекотнул в третий раз. Криком отозвались с ветвей мелкие птахи. Пронзительный, острый, ввинчивающийся в душу призыв.

– Помоги им, Эрвин.

– Где?

Орлан махнул крылом – вперед и вниз в долину. Глухо рявкнул, отозвавшись эхом от скал мотор – Миа выжала газ, даже не дожидаясь команды. В воздухе – птичий, рассерженный гам.

– Десять километров направо и вниз. Там, у ежей.

Перевела птичий посвист Ирина. Стук сзади – ДаКоста передернул шотган. Заскрипела турель – Эрвин запрыгнул наверх, разворачивая спаренный пулемет из походного положения. Машины рванулись вперед, молнией в облаке веток, листвы и сизого дыма. Бэа впереди, грузовик с Яго в кузове – следом.

Шипение и зеленый, струящийся след в траве за кормой.

Жена Яго носила титул королевы змей и ее подданные, похоже, обиделись, что их не позвали.

– Пусть догоняют теперь, – угрюмо думал Эрвин, вертя головой и оглядывая сквозь пулеметный прицел крутые, заросшие лесом склоны долины. Бэха шла вниз, круто, под колесами – громом, звенящий ручей. Вода взлетела, холодные брызги метнулись в лицо. Лес справа и слева, глухой зеленой стеной и – низко, над кронами – яркие, кричащие точки. Птицы вились хороводом вокруг, сходясь в привычный для Эрвина круговорот боевого дозора. Десяток маленьких летунов – разноцветных, желтых и алых над левым склоном, десяток – почти черных на алом закатном свету – над правым. Низкие, тревожные голоса. Орлан, хрипло крикнув, взмыл в небо, закружился над головой, ловя крыльями потоки ветра.

Точки-птицы вились в небесах, складывая рисунок боевого дозора вокруг мчащейся по горному склону бэхи.

Эрвин лишь плечами пожал.

Колеса скользили, бэха шла под уклон – боком, разбрызгивая мох и гальку на поворотах. Не сверзится бы... Но Миа уверенно держала руль, а к чудесам он привык, хоть и не понимал до конца их действия. Под бампером с треском лопнул сосновый ствол. Дождем за шиворот – мох и клейкие, тонкие иглы. Рухнуло, заскрипев, высокое дерево, бэха взревела, разбрызгивая колесами фонтаны черной воды. Качнулась – в глаза брызнуло, потекло по векам полосами зелени и темного синего неба. Забуксовала на миг – от колес летел вверх сизый дым, вода и россыпь мелкой, коричневой гальки. В руках у Мии щелкнул рычаг передач. Машина взревела еще раз, отшатнулась и вырулила на противоположный склон, дымя и плюясь в небо гарью истертых покрышек.

Лес глухо шумел. Две стены сходились капканом над головой, глухие как серые корабельные коридоры. Тихо, лишь сзади – знакомый кашель движка. Станислав отстал, ведя их с Яго грузовик зигзагом, куда осторожней безбашенной Мии. Им еще полдороги вниз по склону петлять. Ежи впереди – темные, увитые лианами стальные балки. Белой рамкой у основания – бьется на перекатах вода быстрой речки.

– Зверь здесь достаточно велик, когда сможет их перепрыгнуть... Надеюсь, Яго шутил... – шепнул под нос Эрвин, разворачивая пулемет. Тень стальной балки ползла змеей по траве. Только сейчас до него дошло, насколько оно огромно...

– Эрвин, быстрее, – шепот снизу, почти из-под ног. С высоты, в тон – птичий крик, тяжелый и резкий.

– Быстрее, – шепот опять. Шептала Ирина – голос сух и четок, звенит как птичий напев. Эрвин оглянулся, пулемет лязгнул в руках – как живой, завертелся, ощупывая взглядом стволов линию горизонта. На вид – ничего, лишь на склонах колышется лес, и эхом, тысячу раз, затухает в камнях рев машины.

– Куда? – прошипел Эрвин ей, ощупывая взглядом глухие лесные стены. Для засады – хорошее место.

Орлан сверху – будто почувствовал, каркнул обиженно: бдим...

– У речки, слева и чуть впереди, – пояснила снизу Ирина. Эрвин пригляделся. Увидел. На склоне, над лесом, впрямь слева и впереди – будто водоворот. Алый и жёлтый, пестрый, бьющий на виражах воздух сильными крыльями водоворот. Птичья карусель. А сразу под нею – да, точно, зеленые ветки дрожат гнутся не в такт. Против ветра дрожат, хрустят громко, как под чьей-то ногой.

Там, впереди кто-то бежал им навстречу.

Истово, не разбирая дороги.

Близко уже.

Орлан зашелся криком над головой, махнул крыльями, забирая воздух. Взлетел повыше.

Мотор бэхи ожил и застучал. Миа тоже увидела, кивнула, толкнула от себя рычаги. Машина пошла – вперед, помалу.

– Давай, навстречу, – шепнул Эрвин ей, – за реку, к опушке, и глуши – тишина.

Миа с места кивнула, вывернула руль – налево, навстречу пернатому вихрю. Бэха пошла, черная вода звенела и билась о колеса машины. Лес глухо шумел. Шаги впереди – когда мотор на опушке затих, их стало слышно. Четкие, быстрые шаги. Кто-то бежал. Споро, не разбирая дороги. Птицы кричали в небе – бились, будто торили путь. Ирина шептала с места. Тихо, почти без слов. Что-то странное, вроде: «Еще немного»

Ближе. Еще. Эрвин замер, обратившись в слух. Шаги там, в лесу – часты и какие-то дробные, будто там больше двух ног. Или...

Мысль холодом по спине. Или там, в лесу за беглецом шла погоня. В сетке прицела – дрожит и вертится на паутинке тонкий зеленый лист... Треск веток и шум шагов – уже близко и рядом. Желтый пернатый летун вылетел из лесу, хлопнул крыльями в воздухе и завис. Еще немного...

Вон и ветки шевелятся уже впереди. Качнулись, раздались в стороны.

Треснул куст под ногой.

Эхом по склонам – хлопок. Резкий, но тихий. И непонятно откуда. Совсем – звук бился в ушах, звенел, отражаясь эхом от красного камня склонов. В кустах – короткий, захлебывающийся вскрик. И тишина. Мертвая, лишь там, впереди – схлопнулись и закачались себе на ветру зазря потревоженные зеленые ветки.

– Что за... Прошипел было Эрвин под нос. Потом дернулся, сообразив – сообразив, что. Рывкнул – под ноги, вниз, страшно:

– Ирина, откуда стреляли?

Свист дудки, птичий, протяжный напев. Ответный гам с вышины – на сто голосов, дикий и недоумевающий. Изумленный шепот. Ирины, в ответ:

– Не знаю...

– Как так? – рявкнул Эрвин было. Погрозил снизу вверх кулаком. Разгильдяи, мол. Тыща, мол, глаз и все, как один, тетери сонные. Орлан каркнул – виновато, будто в ответ. И шелест листьев над головой. Убаюкивающий такой, мирный.

– Миа, с открытого места. Рули назад. Помалу, кустами.

Миа умница, все поняла. Вокруг, в сетке прицела, горные склоны – справа и слева, охряные скалы, шелестящие зеленый лес, оба – крутые и одинаковые до боли в глазах.

– Кто стрелял, откуда? – шипел Эрвин, доворачивая туда-обратно прицел. Лес молчал. Птицы бились, хлопали крыльями над головой. Летали, но хаотично, туда – сюда. И дудка Иринина не нужна – видно и так, что без толку.

– Пабло, подмени меня, – бросил Эрвин, спрыгивая вниз с машины. Земля толкнулась, ударила в сапоги. Мягкая, шелестящая желтой хвоей по голенищам.

– Осторожнее, Эрвин. – Ирина, сзади. Клекот сверху – орлан. Бэха – стальной клепаный борт ползет назад, тихо, укутанный хвоей. Ветка хлестнула в лицо. Зеленая, клейкая, щекочущая ноздри тонким запахом смолы. И крови – это там, впереди. Вроде тихо – нет, из кустов еще слышится стон. Тихий, на грани слышимости. Бэха, как Мие сказано, отползла помалу назад. Осторожно, таясь за кустами от невидимого даже птицам стрелка.

А Эрвин шагнул вперед, в лес, раздвигая кусты дулом тяжелой туземной винтовки.

– О черт, везет мне на баб, – прошептал он было, шагнув за кусты. И замер – самого передернуло от невольного кощунства. Та, что бежала к ним за кустами была мертва. Слишком спокойно лежит. Лицом вниз, лишь ветер, играя, катает и мнет по грязи длинную туземную юбку. Кровь – лужей от головы. Эрвин невольно сглотнул. Бэха скрылась, лишь орлан в вышине парит – почти невидим за пологом веток. Тишина вокруг. Мертвая. Винтовка в руках дернулась, ощупывая прицелом деревья вокруг. Ничего, лишь мшистые ветки шевелятся, да дрожат на ветру длинные мягкие иглы. Птица упала вниз – мелкая, пестрый яркий комок перьев и свиста. Упала, уселась на ветку, чирикнула протяжно: «Я тут»

Эрвин кивнул и шагнул вперед, к лежащему на траве телу. Присесть, оглядеть. Лицо спокойное, тихое... Не дышит уже. Серым маревом, пленкой затянулась туземная, яркая, зеркальная кожа. По лицу знаки – ковром. Местные татуировки, тонкая, черная вязь. Птичье крыло на лбу, от него, зигзагом – непонятные глазу засечки. В уголке глаза – словно рябь, мелькание. Птичий посвист – в три ноты, знакомый напев. «Все в порядке». На щеке убитой – детская игрушка. Татуировка в три краски – юла. Эрвина передернуло вдруг, как от похабной сплетни. Еще почему-то котенок. Чуть повыше крыла.

– Похож на знак старого Яго. Надо будет...

Сзади – шелест и тихий, чуть слышный шлепок. Мысль оборвалась. Эрвин вскочил – мягко, поднимая винтовку. В глазу в уголке – мельтешение, тихая, чуть видная хмарь. Птица – пестрый комок перьев перевернулся, упал и лег, неподвижно, задрав в небо лапы. Тихо так. Винтовка взлетела, прижалась прикладом к плечу. Затвор лязгнул в руке. Слишком громко, шелест сосны за спиной утонул, спрятался в клацанье стали. Затылок вспыхнул огнем. Винтовка выпала, мир растаял в глазах. Серый свет может быть таким ярким.

Сознание исчезло, чтобы вернуться. Медленно, очень медленно. Серая хмарь все плескалась в глазах, упорно не желавших открываться. В уши – короткий, злобный смешок.

– Ну что, звездный, много тебе помогли твои демоны?

Глаза распахнулись – рывком, Эрвин дернулся, попытался встать. Руки повело назад – связаны. Птичий крик – чуть слышно, тихо и далеко. Эрвин дернулся было – узнал орланов, хрипящий карк. Тут же ударили в бок – по ребрам, носком сапога. И засмеялись – обидно:

– Не дергайся, звездный. Есть у нас и на машины твои колдовство и на бабье шаманство – приемы.

Знакомый – в три ноты посвист. «Все в порядке». Теперь ясно, что дудки, но... Крылья затихли вдали. Над головой – камень и желтый, неяркий, плещущий свет. Эрвин огляделся – шея болела, вертелась с трудом, но вертелась. Пещера, маленький, укрытый камнями костер и – вокруг – туземные воины, полтора десятка. Плосколицы, спокойные, с неизменными стволами в руках. Смотрят на прислоненного к стене Эрвина, спокойно и зло. Один присел в углу, рассматривает винтовку. Вертел в руках, задумчиво морщил лоб, считая засечки на истертом прикладе. От сердца чуть отлегло – приятно было узнать «Лаав Куанджало». Рядом, пусть и в чужих руках. Жаль, свои связаны. Знаки на плоских лицах – незнакомы, чудны. Перечеркнутая молния – лишь у одного. Вместе с короной из птичьих перьев на голове. И тяжелой челюстью, знакомой до боли в костяшках пальцев. Чиркнула птица, Эрвин рванулся было – с надеждой. Опять ударили в бок.

– Сиди, звездный. Бабье колдовство тебе не поможет.

Плеснуло пламя – желтым отблеском в потолок, отразившись золотом на хищной улыбке. Тяжелым, червонным золотом на все тридцать два. Эрвин захохотал – вдруг. Нелепо, по дурацки, задрав голову в небо.

– Привет, вождь. Гляжу, тебегодились мои сто баксов.

Говорившего перекосило. Было с чего. Теперь Эрвин его узнал. Старый знакомый – вождь дома туманного леса. Это он продал ему Мию с Лианной тогда, в самом начале. Только зубы у него золотые теперь. Все тридцать два. А Ирина еще сверху оформила штраф за «Нарушение правил торговли». Эрвин вспомнил – захохотал опять. Памятью, как огнем зачесались костяшки на пальцах.

Вождь шагнул вперед и ударил – снова, опять носком сапога. Целил в губы, попал по плечу. Эрвин встряхнулся, сгоняя с губ дурной смех. Оскалился – туземцам в лицо, прямо в червонные, отливающие золотом зубы:

– Эй, вождь. Когда я бил тебя – у тебя были развязаны руки.

Глава 6 Эрвин. Расколота скала

– Тишина, – чужой голос хлестнул по ушам, прошелестев эхом по стенам пещеры. Замерли все, даже «золотые зубы» – на полушаге, удержав занесенную для удара ногу. Эрвину зажали рот. Качнулся, плюнул искрами огонек. И поник, укрытый рогожей.

На камни упала тьма. Непроглядная, черная тьма, будто повязку на глаза надели. Птица закричала вдали. Тихий, протяжный, ломающийся эхом на камнях крик. Эрвин дернулся – на месте, плечом вперед, со всей оставшейся силы. Кричал орлан – там вдали, в скрытом гранитным пологом небе. Раз другой. Чужая рука сжала плечо, скрутила, вдавила в землю.

– Тихо сиди, чужой, не дергайся, – шепнули на ухо. Тихо. Орлан закричал опять. С неба. И тут же – как отклик, куда ближе, с земли. Тонкая, в три такта, птичья трель. Еще и еще. Звонкая, как перекличка.

«Ирина погнала, небось. Ищут, – успел подумать Эрвин. Птица свистнула – опять, ближе, еще раз. Уже другая – наострился различать голоса. Ближе.

– Цивик цивик.

«ищем, ищем»

По разбитым губам – кровь, разбередил рану улыбкой. В уши – тихий, ласковый птичий посвист. Опять. Эрвин вздрогнул даже. Звук тянулся, звенел в ушах, летел – откуда? Попытался повернуть голову и не смог. Держали крепко. Но рядом, похоже – изнутри пещеры. Уж больно звенит, ломается на острых камнях эхо. Цивик – цивик... Знакомый напев. По привычке Эрвин перевел его в слова.

«все в порядке».

Далеко, с неба – орланье карканье, тягучий, словно разочарованный крик. Раз два... Все дальше и дальше. Плечо отпустили, на камнях опять вспыхнул, разгораясь, огонь.

Туземец – тот, что сидел в углу, рассматривая винтовку – повертел в руках тонкую дудку. Поймал Эринов взгляд, убрал тростинку в карман, усмехнулся:

– Есть у нас и на ведьмино колдовство методы, звездный.

Птичий крик бился, звенел в небе еще. Тихо, на грани слышимости. Орлан что-то кричал в вышине. Похоже – разочаровано.

«Держись, брат, как бы Ира тебя в тетерева теперь не переименовала. Или там в глухаря... Она может»

Мысль скрутила, хлестнуло виной по нервам. Представил себе Ирку внутренним взором – строгую, нахмуренную, отчитывающую почем зря ни в чем не повинную птицу. Строго, под стать фамилии, с неизменным пальцем, поднятым вверх. Коса, небось, растрепалась, да морщинки собрались в усталых глазах... И носок нарядного, расшитого бисером сапожка постукивает, ковыряет, бьется впустую о землю.

«Не ругайся, – захотелось сказать, – Тетеря здесь я. Расслабился»

Мысль хлестнула, обожгла нервы чувством вины. Эрвин встряхнулся. Выбираться надо, теперь уже самому. А то Иришка обидится, и орлану придется век в тетеревах куковать. Жалко пернатого. Оглядел пещеру – шея шевелилась с трудом, но все-таки шевелилась. Шевелились глаза, взгляд скользил – внимательно, подмечая каждую мелочь. Туземцы вокруг. Люди, как люди, местный тип – широкоскулые, зеркальные лица, винтовки, куртки мягкой охряной кожи, бахрома на рукавах. Черная, змеящаяся по телу вязь татуировок. Знаки на лице. Местный аналог паспорта и трудовой книжки. Эрвин сморгнул, сообразив, что на них надо посмотреть внимательнее.

Пригляделся – благо туземцы сидели почти неподвижно, давая себя рассмотреть. Так, латинских крестов, как у старого Яго нет – значит не христиане, язычники. Щеки чистые – холостые значит, еще молодежь. Хотя по виду – не скажешь, в возрасте мужики. Сидят – а лица

плоские, суровые, почти неподвижные. Лишь сквозняк шевелит нити бахромы на рукавах, да поясные бляхи звенят иногда о вытертую ладонями сталь затворов винтовок. На лбу... Эрвин сморгнул в третий раз, вспоминая уроки старого Яго. На лбу местные носят отметку «коммандо» – рода или боевой группы. И засечки – знаки побед. Миа в качестве такого приспособила себе Эрвинов наплечный знак: ромб «волонтера флота». Прямо на лоб, да. Яго носит латинский крест и котенка, люди Дювалье – перечеркнутую молнию. У поймавших Эрвина туземцев на лбу была какая-то непонятная хрень. Вроде зубчатого колеса но странная, без засечек. Странно, насколько Эрвин понимал – здесь знак прилагался к победной засечке, а не наоборот. Нет победы – значит, хвалится нечем, нет повода рисовать знак. У золотозубого вон, всего одна, но аж на нос заехала – так, размахался. А на щеке у непонятный зверь. Рогатый, мелкий, похож то ли на земного козла, то ли на своего владельца... Но похож...

Золотозубый поймал его взгляд, набычился – лохматые брови опустились, сошлись тучей на переносицу. Скрипнул червонным золотом – зубами, размахнулся опять. И замер, остановленный коротким:

– Оставь. Пусть с ним король разбирается.

Переводчик в ухе пискнул, запнулся на незнакомом слове. Два слога, россыпь огласовки в конце. Ее Эрвин узнал – уважение – а вот основные звуки нет. «Кар ойл»...

Не слышал он еще здесь такого слова.

Встряхнулся – не время сейчас тонуть в лингвистических тонкостях – перевел глаза на говорящего. Пламя плеснуло, услужливо подсветив тому лицо, пробежало искрами по дымому зеркалу кожи. Тот самый туземец с дудкой, что сидел в углу, рассматривая «Лаав Куанджало». Видимо главный здесь – золотозубый еще поворчал, но послушно заткнулся. Хотя и вождь... Раньше он был куда более грозным. Но и бог с ним. Откуда козел на щеках, интересно?

– Кто такой король? – спросил Эрвин, поймав глазами спокойный взгляд туземца с дудкой.

– Увидишь, – ответил тот, смерив Эрвина взглядом с головы до ног, – а если то, что я вижу правда, то и поговоришь.

– Видишь – что? Спросил Эрвин, гадая, как ещё не устал удивляться. Туземец его услышал – сморгнул, расширил глаза. Буркнул под нос что-то про диких звездных.

И показал вниз, проведя пальцем по вязи рун на ложе винтовки.

– Это великий ствол, «Ройане», – задумчиво проговорил он, положив ладонь на темную сталь и выцветшее белое дерево ложа «Лаав Куанджало». Россыпь звонких туземных звуков в конце – непереводаемая огласовка прозвучала торжественно, звучно, как королевский титул. В тон голосу, глухо лязгнула сталь – это в зеркальной руке чуть дернулся, наливаясь рыжим огнем от костра полированный шарик затвора.

«Кокетка, блин» – огрызнулся, мысленно, Эрвин. Близко ведь так. Видеть свой ствол в чужих руках было почему то обидно. Туземец не заметил – продолжал, нараспев, вытягивая слова подобно бусам:

– Из него убивали драконов, чужак. Исполинов, ступающих тяжело зверей, ужас нашего мира. И она признала тебя? Скажи звездный...

– Харамбе, не смущай людей. Ты говоришь как колдуньи, – отозвался золотозубый. Туземец прервал его – жестом, быстрым, как взмах мухобойки.

– Подожди. «Кар ойл» решит, он всегда все решает. Светает уже.. «Говорящая с птицами» не вчера родилась, надо идти, пока ее слуги нас не увидели. Идем, чужак. И лучше иди сам, нести тебя будет тяжело. Хоть и можно, да...

– Хочешь, чтобы я не дергался? Тогда, скажи – куда...

– Я сказал уже. К королю... – Харамбе сморгнул вдруг – один раз, другой, поймав удивление в глазах Эрвина. Потряс головой, удивляясь чужому недоумению. И пояснил:

– Чему ты удивляешься, чужак? Это же ваше слово...

Изумление качалось в его глазах – глубоких, зеркальных. Отражением, тенью чужого изумления. В глазах Эрвина, да. Теперь он слово узнал. Земное, действительно. Только откуда, к курвиной матери, здесь может взяться король – здесь, на чужой планете, на влажной красноватой земле, никогда не носившей на себе Карла с погонялом Великий...

Золотозубый кашлянул. Воин откинул полог. Серый цвет полился внутрь, заливая гранит рассветной, призрачной хмарью. Зашипел залитый костер, люди встали, поднялись и пошли. И Эрвин пошел. Что оставалось? Туземцы шли тихо, след в след, теньями скользя меж низких, густых, клонящихся к земле веток. По небу струйками тек серый предрассветный туман. Тек, клубился, кутал пологом невысокие фигуры туземцев, застывал инеем росы на стволах. Высоко в небе чирикала птица. Тогда туземцы замирали – все. Харамбе доставал дудку, выводил короткую трель – три ноты, отрывисто, на птичий манер. «всё в порядке». Застывал на минуту, слушающая шелест ветвей. По лицу плескались, вились клубами туманные тени. Потом махал рукой – вперед, мол. Шли вверх, потом вниз. Эрвин крутил головой, считал повороты, но скоро сбился. Лес вокруг был глухой, еловый. Одинаковый, до тошноты, вид. Пытался обламывать ветки – дали по рукам. Больно. А золотозубый, оскалившись, наклонился и распрямил, вернул тонкие зелёные побеги на место. Качалась трава. Лишь сбитая роса напоминала о прошедшем отряде. Высохнет – и все, будто и не шли они здесь никогда два десятка человек и один звездный оболтус под конвоем. Под сапогом захрустела, покатила по осыпи мелкая галька. Расступились деревья, покатым холмом мигнул в глаза проплешинами желтой, оплывшей глины. Впереди. А на другой его стороне стояла деревня.

Туземная деревня – Эрвин уже как будто видел ее. Как в Туманном лесу или Фиделите – поля расчищенной от леса и распаханной земли – правильным кругом, кольцом по земле и крутой, заросший холм в их середине. Невысокие, очень толстые, похожие на пивные бутылки деревья по краю, высокие, шумящие сосны – за ними, внутри.

Роца на вид и роца – дикая, если не обращать внимания на подстриженные кусты и свитые, переплетенные сеткой лиан ветки.

Заревел глухо гигантский зверь, Харамбе впереди замер, понимая руку вверх в защитном, отвергающем жесте. Затворы залязгали, Эрвин завертел головой. С трех сторон деревню окружала стена глухих гор, с четвертой высились громадные стальные ежи за которыми бродила голодная высоколобая тень. Треугольная голова, две мощные лапы, пупырчатая, желтая кожа, алая пасть. Сотрясатель. Золотозубый оскалился вновь – чуть нервно, как показалось. Что-то крикнул, Эрвин не разобрал – что. Харамбе встряхнулся, махнул ладонью опять. Зашагал – по ровному полю, прямо у зверя на глазах. Остальные – за ним, невозмутимо на вид, будто не на них косил алый глаз многотонный двулапый монстр. Земля под сапогами дрогнула, заскрипела протяжно сталь – зверь боднул стальные полосы лбом, яростно, но на вид бесполезно. Двухавровые, заросшие лианами балки скрипели и гнулись, но держали надежно. Эрвин пожал плечами и выкинул сотрясателя из головы. Пусть ревет. Харамбе свернул пару раз с прямого пути, зачем то делая восьмерку по ровному полю перед деревней. У Сотрясателя на глазах. Остальные шли за ним, след в след, не пытаясь поправить вожака или сократить путь. Эрвин, улучив момент, шагнул было в сторону. Его дернули за плечо, удержали на полшаге. Улучил момент, наклонился. Голыш в траве – плоский камень удачно попал под каблук – Эрвин откинул его и исподтишка понаблюдал за полетом. Тот пролетел по дуге прорвал рыжую сетку травы, и канул, провалился под землю без звука. Толкнули в плечо.

«Умно... Волчьи ямы отрыли»

Впереди, в тени окружающих деревню, заросли густых колючих кустов. И в зеленой тени веток – вороненый стальной блеск. Тонкие дула, укутанные ветками стволы. Пушки. Птица свистнула в вышине.

«Передай Мие, чтоб не форсила, не гоняла бэху по ровному. Сожгут же», – подумал Эрвин, дернув, как от зубной боли лицом. Наверное, зря. Вряд ли острокрылая рыжая сойка смогла прочесть его мысль, а свистеть по-птичьему он так у Ирины и не научился. Харамбе услышал и – с места, на каблуках – повернулся, положил руку на затвор. Солнце сверкнуло – радугой по лицу, замерцала на багровой точке в уголке глаза. С неба – хриплый посвист опять и хлопанье – птица заметила его жест, сложила крылья и, заложив вираж, ушла за деревья.

– Смерть колдунам и их прихвостням, – Рывкнул Харамбе, поднимая к плечу кулак.

Эрвин – мысленно – завязал на памяти узелок. Расписать при случае «под хохлому» эту плоскую, сверкающую, что начищенная тарелка, рожу.

С деревьев, сверху Харамбе окрикнули часовые – короткий, переливчатый клич. И отзыв из туземных уст такой же короткий. Заскрипели ветки, стена кустов на глазах разошлась. Эрвина снова толкнули в спину, он качнулся, но на ногах устоял. Огрызнулся – через плечо, сердито

– Что за деревня то хоть?.

– Расколота скала...

Ответили ему. И впрямь, над деревьями, прямо перед глазами скала – два гранитных пика, два змеиных клыка охряно – рыжих в синеве неба. Эрвин пошел вперед, крутя головой и гадая, откуда он помнит это название.

Деревня встретила его глухим гулом голосов, гамом, мельтешением и теснотой – плотной, кружащей голову. Охра и зелень лозы на стенах, блеск солнца в траве – хороводом, игристой пляской на зеркалах сотен. При виде Эрвина люди поворачивались, поднимали глаза – полдненное солнце плясал, играя зайчиками на зеркальных туземных лицах. И замирало, подергиваясь тонкой серой перенной, когда Харамбе или золотозубый поворачивали на них голову. Сосны вокруг – высокие, гордые, шелестящие густыми кронами в вышине. Дома меж них – знакомые Эрвину по Туманному лесу и Фиделите плетенки вокруг опорных столбов. Как в Фиделите, только та стояла привольно, дома ставила широко, кутая землю узорочьем розовых, желтых белых цветов в рамке пахучей зелени огородов. Здесь же царила охра и камедь. Плетенки – дома стояли тесно, стена к стене, даже забираясь друг на друга – один над другим. Новый, зеленый, блестящий тонкой пахучей лозой, на платформе над старым, высушенным солнцем до черно – желтого блеска. Балки, сучья, яркие ленты меж них – та же лоза, зеленая и желтая, высохшая – полосами. Подъемники на крюках, лестницы с тонкими перилами, просто веревки, на которых, как дома, женщины сушили белье. Платформы из толстых балок нависали над головой. Наколочены криво – опасно скрипели, кренились кое-где. И поворачивались – на глазах у Эрвина туземный мальчишка, навалившись плечами на вытертый деревянный рычаг крутил свой третий этаж окнами к солнцу. Конструкция отчаянно скрипела и гнулась, лоза топорщилась, балки скрипели и подпрыгивали в пазах. За шиворот с высоты сыпался мусор, пыль и мелкая древесная крошка. Эрвин догнал Харамбе, ткнул пальцем, показал на гнущуюся балку над головой:

– А не рухнет?

Тот было махнул рукой – пустое, мол, не о том думаешь. Но поднял глаза. На покосившейся, в сетке трещин опорной балке его взгляд не задержался, скользнул выше, на третий «этаж». Должно быть, увидел что – то: замер, изменился лицом, поднял руку вверх и крикнул своим – хрипло, гортанное что-то. Толпа вокруг загудела на сто голосов – Эрвин не понял слов, лишь отраженное солнце вспыхнуло россыпью блесков на лицах. Один из воинов подпрыгнул,

ухватился за лиану, подтянулся – конструкция протяжно закрипела и накренилась. Запрыгнул наверх, потянулся, сорвал с плетеной стены покрывало. Эрвин сморгнул – то была просто тряпка, ворсистый истертый ковер, каким здесь прикрывали стены – от холодных ветров или чужих взглядов. Но сейчас ее сорвали вниз, будто знамя с флагштока. Сорвали, спрыгнули, потоптали ногой. Сверкнула искра, раздался крик – женский, злой и визгливый вначале, испуганный – потом, когда за стеной увидели, с кем имеют дело. Золотозубый оскалился, Харамбе поднял палец вверх:

– Честному человеку от глаз скрывать нечего. А нечестный королю не друг.

Толпа загудела снова. Внизу тихо, и без интереса. Видимо – не в первый раз. Загудело сверху, на этажах – кого-то склоняли на все лады, кто-то отругивался, дрожащим, тонким с обиды голосом. Звонкая, бессмысленная бабья ругань. Харамбе отвернулся, брезгливо откинув ковер каблуком – прочь с глаз, в кучу мусора за углом.

«Спаси нас бог от таких друзей, а с врагами мы как-нибудь разберемся»

Угрюмо думал Эрвин такую мысль, шагая Харамбе вслед и косясь снизу вверх на трещины в опорных балках. Улица на глазах разошлась, ветер плеснул в лицо духотой и бурой пылью утоптанной площади. Планировка – Эрвин оценил на глаз – знакомая, две улицы сходились крестом, на манер Фиделиты. Только там, где у «крестовых» пел и тянулся в небо собор – здесь стояла приземистая бревенчатая изба. Низкая с покатою, загибающейся на стороны крышей. Маски демонов на торцах бревен, На окнах – резные, глухие наличники.

Эрвин, увидев их, хмыкнул, подумав, что местный король, наверное, и сам себе не друг. Дали по шее. Харамбе поклонился вдруг – низко, резным маскам зверей на дверях. Двум страшным, совиным, похоже – отводящим зло мордам. Перед ними – два ярких костра, в железных, кованых плошках. Трепетали огни, копоть плыла, ложась черными пятнами сажи на балки, маски зверей и слепые, вытарашенные глаза резных демонов.

Привратник окликнул их. Харамбе поклонился – снова, низко, достав ладонью земли. Копоть плеснула, колечко дыма закружилась, легла тому на лицо.

«Чего это он?» – опять подумал Эрвин, глядя сзади на это все. А притолока на двери низкая – поклонись, если хочешь войти. Эрвин, на всякий, плюнул через левое плечо – попал прямо в огонь, под негодующий вопль привратника. И шагнул вперед, в полутьму, держа пальцы – тоже на всякий – скрещенными в отводящие зло рожки.

** **

Еще ни разу Эрвин не видел корону, носимую с большим достоинством. Цветную, пластиковую, по три сорок за штуку – Эрвин, вроде бы, видел такую уже, дома, в магазине игрушек. С ценником, криво прилепленным на ободок. Но теперь она сидела на весьма примечательной голове. Высокий, ладно скроенный, широкоплечий туземец – пятнистая, переливающаяся чешуйками радуги шкура едва сходилась в узел на груди. Длинные волосы по плечам, широкие скулы, высокий правильный лоб – туземная кожа переливалась в свете огней, мерцала в глаза теплым янтарем и тусклым, червонным золотом. Внимательные, большие глаза, а руки на резных подлокотниках кресла – тонкие, спокойные, сильные.

«Видели бы производители, какой лоб будет украшать их игрушка – поставили бы ей не три сорок на ценник, а больше» – успел подумать Эрвин, прежде чем сидящий заговорил:

– Удачной ли была охота?

Голос низкий, спокойный. Вроде и приветливый, только глаза смотрят мимо людей – вдалеке, на вырезанную на потолке драконью морду. Харамбе в ответ поклонился. Низко, Эрвин увидел, как свились узлом мышцы на его шее. И изумленно сморгнул. За сегодняшний день он увидел больше поклонов, чем за все предыдущие дни на этой планете.

Вышла женщина, протянула вошедшим чашу воды. Поклонилась тоже. И низко – на височной дуге, сталкиваясь, прозвенели серебряным звоном мониста.

Эрвин от удивления сморгнул опять. В дороге Миа с Лианной нет-нет да кивали Ирине, на стоянке девчонки из Фиделиты – своей маме Кураж. Но тихо, украдкой, пока их мужики не видят. Он сам, старый Яго или Хуан – председатель такого не достаивались ни разу.

«И нафига?»

Вопрос на губах так и увял, невысказанный. Золотозубый шагнул вперед. Как-то лихо, они с Харамбе тихо поменялись местами – один неслышно перетек с первого места назад, другой – развернул плечи, приосанился, выступил – как то враз занимая весь, еще не занятый королём, сектор обзора.

– Удачно, король. Мы прошли до ежей и убили колдунью, осквернившую дыханием синее небо.

У убитой была игривая челка и юла на щеке – тонкая, выжженная черной вязью из точек. Скребущий, растянутый скрип – вдруг, Эрвин удивился, когда услышал его. Понял только потом – это во рту скрипели, крошась, его собственные зубы. Синее небо, курвасса их мать, со всеми синонимами. Чем помешала-то? Золотозубый стоял спиной к нему – не видел, не слышал.

– Все по твоей воле, король.

– Как всегда, да. Только я просил взять ведьму живой.

– Чужеземцы в долине. Звездные и крестовые люди из городов. Их машины вошли в твою долину. Большие, тяжелые машины.

Золотозубый взял паузу, кивнул королю еще раз, словно предлагая тому самому оценить масштабы отведенного от него бедствия. Король паузу выдержал – спокойно, позволив себе лишь чуть поднять бровь в невысказанном – и что?

Пауза кончилась. Золотозубый снова кивнул и продолжил, сверкнув на короля металлом тусклой улыбки:

– Они пересекли наш путь, а мы – их. Остановили. И взяли пленных.

– И это, король. – Харамбе скользнул вперед, протягивая тому на обеих руках сверкнувшее вороненой сталью ружье. Эрвинову «Лаав Куанджало». Едва не столкнувшись с золотозубым плечом – тот как раз поворачивался, готовя палец к торжественному, плавному жесту. На Эрвина хотел показать. Пальцы короля сомкнулись на ложе. Король поднял винтовку у глаз, посмотрел – внимательно, Эрвин опять дернулся, пожалев что не у себя дома, в школе. Пальцы у «короля» тонкие, нежные. Эх, указку бы взять, их старую, буковую, из школы, что

осталась за небом, в родных краях. Взять, размахнуться, да по этим пальцам. Чтобы знали, как хватать что ни попадя.

Взгляд у Эрвина, наверное, был достаточно красноречив, но «король» его не заметил. Отложил ружье в сторону, повел руками, приглашая Харамбе и золотозубого сесть – одного слева от себя, другого справа. Оба заговорили, точнее, заспорили – но тихо, не поймешь о чем. Один в правое ухо королю, другой – в левое. Классический, по десантному выражению: «навес лапши на начальственные уши», хоть учебный фильм для молодежи снимай. Только лапша, похоже, вилась у обоих в разные стороны. После пары минут разговора «король» хлопнул ладонью по резному подлокотнику – сильно, у вырезанного зверя с хрустом отлетел рог. Золотозубый отшатнулся, Харамбе опустил глаза, склонившись в котором по счету поклоне.

Зато король поднял взгляд, соизволив обратить на Эрвина внимание.

– Ты и впрямь команданте, звездный? Убийца драконов? – спросил тот, наклонившись и сверля Эрвина большими серыми глазами. Корона чуть сползла на глаза. Мешала, путала взгляд. Искусственные камни и блески мерцали, оттягивали внимание на бестолковый блеск мишуры. Прятали, скрадывали выражение лица. Эрвина это почему то взбесило. Дико.

Да и отвечать незачем – насечки на ложе Лаав Куанджало давно сказали все за него. Разве что у «короля» со зрением плохо. Или с устным счётом до одного. Эрвин промолчал.

Король то ли не понял, то ли подумал чего – добавил, четко, с металлом в голосе:

– С тобой говорит ТайАлор, король Расколотой скалы и владыка тысячи демонов. Отвечай, чужеземец...

Эрвин сморгнул опять. Присвистнул сквозь зубы – чисто, чтобы скрыть просящийся наружу большой десантный загиб. Местные на памяти Эрвина не представлялись – никогда, у них послужной список на лбу написан. В буквальном смысле – витыми рунами татуировок по зеркальной коже. Развести туземца на обычное имя-фамилия-должность приходилось долгой и витиеватой дипломатией, с обходными ходами, намеками и извинениями – дикий мы, дескать, на звездах народ, руны читать не обученный. А уж если удавалось развести – председатель Хуан в Фиделите из представления целое шоу устроил, демонстрируя звездному гостю побежденного когда-то дракона. Вполне реальную, кстати, выбеленную ветром клыкастую пасть, а не горстку слов, пластиковую финтифлюшку на голове и пустой, явно выдуманный на коленке титул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.